

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА I. ГЛАВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА	9
1.1. Основные исторические периоды развития философии языка.....	9
1.2. К вопросу о природной возникновении и распространения языка.....	15
1.2.1. Теории создания и происхождения языка.....	16
1.2.2. Биологические применения происхождения языка.....	18
1.2.3. Социальные предположения происхождения языка.....	20
1.3. О соотношениях языка, бытия и мышления.....	23
1.3.1. Язык, мышление и реальность.....	25
Выводы к I главе	32
ГЛАВА II. ВОПРОСЫ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЛИНГВИСТИКЕ	33
2.1. Основы лингвистической философии и грамматики в структурной лингвистике.....	33
2.2. Концепция Н. Хомского: трансформационная грамматика и роль формальной семантики в структурной лингвистике.....	38
2.3. Философия ценностных установок. Прагматический аспект языка.....	46
Выводы к II главе	54
ГЛАВА III. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА	55
3.1. Языковая личность и общество. Понятие социолингвистики.....	55
3.2. О соотношениях языка, этноса и культуры. Представление о языковой картине мира.....	58
3.3 Понятие «национального языка».....	72
Выводы к III главе	80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	84

ВВЕДЕНИЕ

Наука, и научные исследования, сегодня, играют такую же значимую и существенную роль, как и много веков назад. Она составляет основную базу кадровой политике Узбекистана, именно поэтому одна из важнейших задач нашего государства создание благоприятных условий для развития и продвижения отечественной науки. Государство уделяет большое внимание развитию и разработки определенных научных и исследовательских проектов. Об этом свидетельствует и тот факт, что 15 мая нынешнего года прошла широкомасштабная международная конференция, посвященная выдающимся средневековым ученым Востока, которые совершили огромный вклад в развитии мировой науки и являются популярными и сегодня. На конференции глава нашего государства подчеркнул, что «перемены и процессы обновления в жизни общества, особенно придающие большой импульс развитию всего человечества, происходят не сами собой. Они базируются, прежде всего, на многовековых культурно-духовных традициях, научных школах, требуют соответствующих условий» [2,6].

Таким образом, задача современных ученых и исследователей состоит в продвижении науки и культуры, в создании высокого интеллектуального общества, а задача государства создать все необходимые для этого условия в нашей стране.

«Вне всякого сомнения, вкладываемые сегодня средства в сферу образования и науку – это тот капитал, который создает прочный фундамент формирования в стране высокоинтеллектуального общества, которому принадлежит будущее». [3, 2]

"Отечественная наука создала мощный интеллектуальный потенциал, который находит свое практическое применение во многих сферах жизни, служит основой для укрепления национальной государственности и экономической независимости республики. Фундамент уникального и прекрасного здания науки, интеллектуального потенциала Узбекистана был заложен много веков назад. Мы вправе с гордостью говорить о том, что

отечественная наука восходит к очень древним временам, имеет глубокие и мощные корни. На протяжении столетий она надежно служит узбекской нации, всему человечеству в познании тайн природы, в медицине, философии, правоведении, теологии, литературоведении и языкознании»[1,315].

Язык – это наиболее дифференцированное и наиболее объемлющее средство выражения, которым владеет человек, и одновременно высшая форма проявления объективного духа.

Из всех научных дисциплин, исследующих естественный язык, особое значение для языкознания имеет философия: именно она оказывает влияние на понимание предмета лингвистики. Расширяя кругозор, философия помогает языковедам при построении парадигматических категориальных систем, обобщает грамматические правила и законы. Категории языка логичнее и яснее познаются через философское осмысление ментального пространства. Философия в рамках лингвистической философии помогает понять, что происходит в сознании говорящих, которые, например, адаптируют неологизмы, или со временем отступают от ранее существующих грамматических правил в результате тенденций, обусловленных известными фактами в строе конкретного языка[4;11]. Все это определило тот факт, что в XX в. философия языка заняла одно из центральных мест не только в аналитической философии. Общими вопросами философии языка и лингвистической философии составляют исследования истинной природы языка, и его главных функций, роль языка в познании, функция предложения, а также использования языка в социальной жизни. Не меньший интерес представляет аналитический подход, утверждающий приоритет формально-логической стороны языкового выражения и когнитивной функции языка.

Актуальность темы исследования: Сегодня языковая проблематика в полной мере сохраняет свою актуальность, кроме того, язык приобретает статус одного из центральных объектов философского осмысления.

Актуальность исследования обусловлена также следующим обстоятельством. До последнего времени для большей части философского сообщества было неясно отличие лингвистической философии от философии языка как таковой. Исследования лингвистической философии являлись фактически самоцелью и не вела даже к постановке вопроса о создании философии языка на другой методологической базе. Даже поиск новых путей велся в основном в русле тех тенденций, которые сформировались в рамках аналитической философии. Поэтому своевременным представляется опыт реконструкции экзистенциальной концепции языка, построенной на принципиально иных теоретических и методологических основаниях.

Объектом исследования является, определенно, язык во внешнем и внутреннем его проявлении. Философия языка охватывает историю языка, языкознание, биологию, логику, психологию языка, и социологию языка. Анализируются обозначаящая, коммуникативная, практическая функции языка. Таким образом, объектом исследования выступают такие субстанции, как мир, реальность, мышление, природа языка и языковая деятельность; социум и культура, и, конечно, сам человек и его сознание. В языковой системе философии большую роль играют: абстрактные понятия как признак рационального отношения к миру; образы и символы, являющиеся средством художественного освоения мира.

Предметом исследования выступают основные единицы языка. Анализируются слово, предложение, речь, основные их практические функции. Философия имени, предложения, высказывания. Каким образом предложения оказываются единым целым, и каков смысл отдельных частей предложений? Что является природой смысла? Что такое смысл? Что мы делаем с языком? В чем цель языка? Как язык соотносится с сознанием (как говорящего, так и интерпретирующего)? Как язык соотносится с миром?

Целью данной работы является исследование и рассмотрение философской основы языка, анализ его структуры и содержания. А также раскрыть наиболее важные и актуальные проблемы философии грамматики и

предложения, показать связь структуры и логической стороны языка. Исследование всеобщей грамматики и выяснению категориальных основ человеческого языка. Представить и анализировать практическую, социальную и культурную функции языка. Рассмотреть роль языка в становлении и функционировании сознания, в осуществлении процесса познания.

В соответствии с целью исследования решались следующие **задачи**:

- 1) отразить основу языковой проблематики в философских исследованиях со времен античности до наших дней;
- 2) показать генезис языка и философских представлений о нем, т. е. саму сущность и природу языка, а также взаимоотношение языка и реальности;
- 3) показать основу философии в самой структуре языка,
- 4) показать, что в современной философии в триаде сознание - язык - общество среднее звено приобрело особое значение, поэтому проблематика языка пронизала многие направления философии;
- 5) раскрыть прагматическую сторону языка, понятие языковой деятельности, языковой личности, а также роли языка в самом обществе и его культуре;

Методологическую базу данной исследовательской работы составили аналитический, историко-сравнительный, интерпретационный, с выраженным присутствием принципов диалектики. В качестве частных методов использовались моделирование (с частично формализованным представлением исследуемых объектов), описательно-сопоставительные методы качественного и количественного анализа данных, адаптированные к условиям исследования.

Степень разработанности темы исследования.

На сегодняшний день, начиная с античных времен вопрос философии языка, был актуальным и важным, и поэтому существует большое количество трудов и работ, посвященных данной проблематике. В связи с этим в настоящем диссертационном исследовании был осуществлён

содержательный анализ литературы, достаточно полно представляющей идеи соответствующих областей философии, лингвистики и других областей науки. Основой содержательной базы послужили философские концепции, представленные наиболее известными и авторитетными авторами, как Э. Бенвенист, А. Лосев, Л. Витгенштейн, Н. Хомский, Г. Грязнов, П. Стросон, Б. Рассела труды отечественных лингвистов и философов А. Бушуй, Т. Бушуй, Р. Шодиев и ряд других работ.

Научная новизна диссертационного исследования определяется поставленными в нем целью и задачами и заключается в следующем:

- показана существенная связь философии и языка, а также языковая сущность;
- изучены различные классификации и гипотезы о происхождении языка;
- исследованы основные функции языка и его взаимодействие с внешним миром
- разобрана структура и логическая сторона языка с точки зрения философии, а также практическая функция языка;
- описан способ выявления особенностей национального менталитета, проявляющийся в отборе, интерпретации фактов и их изложении историками разных стран.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Определенно, язык тесно связан с философской наукой, и с самой философией. Философскую базу в языке составляют такие вопросы, как проблема происхождения языка, его основные функции, и взаимоотношение с окружающей его реальностью.
2. Язык, как и любая знаковая система, может изучаться с точки зрения синтаксиса, семантики и прагматики. Предложенные классификации подходов к анализу языка раскрывают суть комбинированных отношений знаковых составляющих структуры.
3. Философия лингвистики составляет логическую сторону языка. Анализируются основные единицы языка слово, предложение. В

лингвистической философии важное место занимает глубинные синтаксические структуры и формальная семантика.

4. Семантическая сторона занимает особое место и в практической функции лингвистики. А также велика роль языка в употреблении его человеком, и обществом. Видение мира человеком по средством языка. А также влияние языка на культуру.

Теоретические положения диссертационного исследования могут быть использованы в современной философии, прагматике, лингвистике и социологии. Кроме того, положения и выводы диссертации могут способствовать совершенствованию философского осмысления языка, его структуры и функций.

Практическая значимость проведённого диссертационного исследования заключается в том, что предлагаемые в работе материалы могут быть использованы в процессе преподавания курсов философии языка, истории философии и компаративной лингвистики, а также при разработке соответствующих методических пособий и дидактических материалов, для подготовки практических занятий, спецкурсов и спецсеминаров по философии и лингвистике. Они также могут быть полезны студентам философских и лингвистических специальностей при подготовке дипломных работ и диссертационных исследований. Результаты исследования могут быть полезны в решение определенных грамматических проблем в лингвистике, в вопросах философии языка.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на заседании межфакультетской кафедры философии САМГИИЯ; на студенческой конференции по философско-лингвистической проблематике, и др. Материалы исследования отражены в публикациях автора, в том числе в научных статьях и материалах докладов.

Структура и объём диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы и источников,

включающего 96 наименований, из которых на русском языке - 77, на иностранном — 14, и 4 интернет ресурса.

Во **введение** работы отражены доводы об основной идеи и теме данной диссертации. Текст введения, также, включает в себя цели, задачи, объект и предмет исследования. Уделяется внимание степени разработанности темы и методологической базе. Содержатся основные доводы и результаты.

Первая глава диссертационной работы посвящена раскрытию философской основы языка, истории возникновения и развитие лингвофилософской мысли. Основными обсуждаемыми проблемами и вопросами в главе являются рассмотрение различных гипотез о происхождении языка, и рассмотрение языка в его соотношении с мышлением и окружающем миром.

Основная проблематика **второй главы** посвящена анализу языка, его глубинной структуры, рассмотрение практической функции языка, а также представлена роль формальной семантики.

Вопросы **третьей главы** посвящены внешней лингвистики, т. е. рассмотрению различных функций языка, его роли в социуме, культуре, понятие «языковой картины мира» и «языковой личности».

В **заключительной части** диссертационной работы отражены основные результаты и выводы проделанного исследования.

ГЛАВА I.

ГЛАВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

1.1. Основные исторические периоды развития философии языка

Философия, являясь наукой о бытие, об истинных ее началах, проявляет особый, глубокий интерес к языку, рассматривая его и как важнейшее средство человеческого общения, и как важнейшее средство познания мира. Не смотря на то, что вопрос об изучении языка как такового не занимает центральной позиции в философских исследованиях, он является одним из важных объектов философии, и не перестает волновать большинства философов и лингвистов. По словам французского философа Ж.Деррида, эта проблема «как таковая» еще никогда «не захватывала столь глобального горизонта крайне разнообразных областей исследования, гетерогенных дискурсов, сфер различного и разнородного, наряду с их намерениями, методами и идеологиями».

Таким образом, роль философии, языка, и языка философии многозначительна: В. В. Биbihин полагает, что «Язык философии есть просто язык в его существе»; «Философия... в своей открытости миру равна языку»; она «несет в себе язык»; «Философия и есть язык» и, наконец, «...человек, философия и язык – одно». Философская теория есть «не что, иное, как осознанный и проанализированный язык» [26,114].

Следуя историческим хроникам, интерес к языку и сознательного его изучения возник в античные времена и был вызван, определенно, практическими причинами, т. е. находка ценных письменных источников, религиозные тексты, наскальные изображения и символы, различия письменного языка от разговорной речи вызвали интерес человека к исследованию языка. Если же взглянуть на язык с философской точки зрения, рассматривая его как явление, то интерес к языку существовал с того момента как он возник. Языкознание изначально являлось частью философии, и именно философия стала основой языковых и лингвистических

учений. Если заглянуть в историю то «От Платона до Гумбольдта теории языка не разделялись на философию языка и лингвистику. С классической древности до конца XVIII века лингвистика не была отделена от логики и ее предметом (как части тогдашней логики и философии) считались единые общечеловеческие способы выражения мысли. Обособление лингвистики произошло в XIX в. и связано с выработкой эволюционного взгляда на язык, позволившего идентифицировать предмет лингвистики - различные языки в их истории - как самостоятельный предмет, отличный от предмета любой другой науки»[63,45].

Основное проблемное поле философии составляют вопросы о происхождении и функционировании языка, его месте в культуре, связь языка и мышления, соотношения языка и реальности, о значении языка для познания и развития общества и человека. Расширение собственно филологического подхода к языку приводит к пониманию языка как способа выражения смысла. Таким образом, все философские проблемы приобретают языковой аспект их исследования, а лингвистика становится одним из важнейших предметов философствования.

Определенно, философия языка берет свои истоки еще с античных времен и является той наукой, от которой впоследствии отделилась сама наука о языке. На протяжении веков (от досократиков до стоиков и александрийцев и со времени аристотелевского ренессанса в Европе до конца латинского Средневековья) язык изучался и был объектом почти только философии. Интерес, проявляемый мыслителями к языку, имел при этом исключительно философский характер. Таким образом, философия языка в античную эпоху основывается на рассмотрении и изучении проблемы – взаимоотношения между вещью, мыслью и словом. Позже философия языка исследуется как в рамках философии, так и теологии, логики, лингвистики, наивысшего развития получает в философии 20 века. Проблема языка является в современной философии такой же важной, как и полтора столетия назад. В ходе изучений и исследований языка существовало множество

теорий и учений. Основными и доминирующими направлениями из них являются: *логическое, сравнительно-историческое, структурное и конструктивное*. Первое из них в равной степени принадлежит собственно философии (период с V в. до н. э. по начало XIX в.). При этом, поскольку теории языка разрабатывались философами, то они, как правило, входят в их общепhilosophические системы и связаны с метафизическими и эпистемологическими установками; последние же зависят от идей времени. Логическое учение непосредственно опирается на репрезентационизм (опора на представление). Согласно этому принципу, мышление подразумевает манипуляцию ментальными объектами, которые представляют вещи внешнего по отношению к сознанию мира *необходимой* связи с представленной вещью.

Соответственно, анализ отношения языка к внешнему миру в "логическом" направлении исходит из допущения о том, что наше знание, выражаемое средствами языка, есть знание о внешнем мире, трансцендентном по отношению к этому знанию и языку. Анализ языка выступает на этом этапе одним из средств логики; язык рассматривается как средство формирования и выражения мысли. Отсюда следует отождествление логических и языковых категорий, восходящее к Аристотелю. Язык рассматривается лишь с точки зрения его функционирования как данная и неизменная система средств общения и выражения мысли. Также в логическом учении значительную роль играет идея о связи формирования опыта и не синтезированной интуиции, т. е. активность идей разума основана на представлении, определяющем нечто в отношении данных опыта до того, как они даны [38,202].

По мнению А. Ф. Лосева, философия рождается из «интуитивных глубин языковой стихии». Сам же язык интерпретируется им как великая стихия, которая является «переходным звеном между неоформленными интуициями изначального мироощущения и законченными философскими теориями». В системе соотношений – язык, философия, язык философии –

язык занимает центральное положение: питая философию своими интуициями, он оказывается «органом осознания этих интуиций». Этот последний момент служит основанием для отождествления в отдельных лингвофилософских концепциях всех трех сфер духовной активности человека – языка, философии и языка философии [21,55].

С точки зрения, как философов, так и лингвистов, следующий этап развития философской мысли о языке стала направленность к языковой активности человека. Сущность языковой деятельности, по мысли французского философа Э. Левинаса, заключается в том, чтобы «высветить за пределами данности бытие в его единстве».

Впоследствии, эту идею поддерживали и развивали И. Гердер и В. фон Гумбольдт. Они подчеркивали, что язык есть, прежде всего "созидающий процесс", а не только результат этого процесса. Положение Гумбольдта о том, что язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а сама деятельность (*energeia*). Гумбольдт рассматривал каждый язык как самодовлеющую систему, не готовую, а вечно и непрерывно создаваемую, как деятельность, выражающую "глубинный дух народа" [27,74]. Результатом такого учения явилось понимание того, что каждый язык индивидуален, имеет свои особенности и характерные черты, которые отличают его от других языков. Это открытие, в свою очередь, привело к развитию сравнительно-исторического подхода изучения языка, отрицающее идею о связи языка с логикой. В процессе применения сравнительно-исторического подхода в изучении языка уделялось внимание структуре различных языков, изменяющихся в процессе своего развития. При исследовании и изучении структур различных языков языковеды и философы пришли к выводу, что все элементы и единицы, существующие в языке, взаимозависимы: каждый элемент существует лишь в силу его отношений к другим элементам в составе системы. Здесь возникает учение и представление языка, как системы. На основе этих открытий в последующем их развитии, формируется понятие структурализма, который становится

объектом исследования сначала лингвистических направлений, а затем и общефилософских.

Язык – это система, которая состоит из уровней и подуровней. Структурное направление изучение философии языка основывается на том, что на первый план выдвигается грамматика – основа языкового строя. Грамматика состоит из трех частей или компонентов: синтаксиса, семантики и фонологии. Можно сказать, что эти три части имеют дело соответственно со структурами, смыслами и звуками. Именно синтаксическая или структурная часть языка подверглась наиболее тщательному исследованию и вызвала наибольший интерес специалистов в области философии грамматики. Здесь представляет интерес, прежде всего идеи О.Есперсена. Он пишет об универсальных правилах грамматического конструирования знания и любых языковых выражений. Истоки этой позиции – в средневековой спекулятивной грамматике, которая рассматривалась как основание рефлексивной деятельности.

Соответственно, по-иному стали изучаться связи языка с коллективным и индивидуальным сознанием. Если истина – соответствие мысли своему объекту, то мы не в состоянии истинно помыслить нечто без отсылки к миру, внешнему по отношению к сознанию. Следовательно, с репрезентационистской точки зрения мы не в состоянии заключать о вещи, помысленной самой по себе, вне зависимости от ее отношения к сознанию. По различению Д.Ф. Пирса, язык, знак которого функционирует по такому принципу истинности, будет *феноменалистским* языком – в противовес *феноменологическому* языку, не ставящему вопроса о наличии у предмета мысли самостоятельного бытия, не зависящего от человеческого мышления.

Таким образом, на первое место в философии языка выдвигается проблема значения, которая имеет тесную связь с логикой, в этой сфере также располагаются прагматические, бихевиористские, аналитические теории значения. Одним из серьезных достижений по данному вопросу было сделано Г. Фреге, который провел различия между мыслью, или

пропозицией, и утверждением. По его мнению, предложения выражают мысль в качестве своего смысла и имеют в качестве референтов истинностные значения (условия, при которых они истинны, и условия, при которых они ложны). Таким образом, Г. Фреге, как и другие представители логического позитивизма, полагал, что основная функция языка заключается в репрезентации и передаче фактической информации, т. е. того, что может быть истинным или ложным. Это означает, что действительно следует принимать во внимание только когнитивную часть языка. Реальность данных положений была подвергнута критике со стороны ряда философов-лингвистов в середине прошлого века. Так, Л. Витгенштейн утверждал, что констатация фактов - это лишь одна из многочисленных задач, решаемых языком, и что значения языковых единиц проявляются не в каких-то абстрактных отношениях, а в их реальном употреблении: для большого числа случаев значение слова есть употребление в языке [59,88].

Конструктивные модели языка идут еще дальше, помещая в центр своего внимания даже не факт, а процесс установления связи между знаком и его референтом и полагая этот процесс интендированием, или конституированием. Сюда можно отнести трансформационную грамматику. трансформационное правило фиксирует все операции, необходимые для превращения одной конструкции в другую. Тогда, если признать трансформацию частью деривационного процесса, лингвистическая сущность которого состоит в последовательном изменении значения через последовательные изменения формы, то трансформационное правило не может быть исключительно правилом формального или структурного преобразования одних единиц в другие и должно соотносить эти последние с наступающими изменениями в значении [41,46].

Один из ракурсов темы взаимосвязи языка и философии касается вопроса о связи родного языка и национальной философии, а также идиоэтнического и универсального начал в языке и философии. Понятие культуры, нации, и менталитета через язык связано с вопросами внешней

лингвистики и главным ее направлением – когнитология. Когнитивное направление лингвистики имеет чисто философскую основу, поэтому данный вопрос представляет большой интерес и практическую значимость в аспекте философии языка. Таким образом, К числу наиболее важных философских проблем языка (лингвистики) относятся, в частности: 1) проблема формирования (становления) языка - как в плане филогенеза, так и в плане онтогенеза; 2) гносеологические и когнитивные аспекты использования языка, а именно: свойства языка как знаковой системы, соотношение языкового знака с денотатом (обозначаемым), тождество знака самому себе, функция знака как инструмента познания, определение истинностного значения высказывания и т.п.; 3) комплекс проблем "язык и общество": социальные функции языка (в том числе коммуникативная, регулятивная, этническая и др.), соотношение категорий языка и национально-культурного менталитета, классификация речевых актов, жанров и стилей речи, структура и место текстов в рамках различных цивилизаций и т. п. [61,95].

Подводя итоги, можно отметить, что, конечно, факт связи философии и языка очевиден. Спектр вопросов и проблем составляющие философскую основу языка заключается в его природе возникновения, в двустороннем характере языка (понятие материального и идеального), соотношение языка с мышлением, а также соотношение понятие и слова.

1.2. К вопросу о природной возникновения и распространения языка

Язык – уникальное явление человечества. Количество языков, существующих, в мире поражает своим разнообразием и индивидуальностью. Язык не только служит средством общения, отражает сознание и дух народа, но, как живое существо развивается и преобразуется вместе с ним. Он не просто существует - он живет. Языки, какими мы их видим сегодня, значительно, отличаются от своей первозданной формы и содержания. Сегодня человечество немислимо без языка. Следовательно,

возникает вопрос: что и как мотивировало людей создать язык? Или же язык - это дар, полученный людьми некой созидательной силой?

Существует масса гипотез и теорий, посвященных данному вопросу. Но они, ввиду огромной отдаленности событий по времени, не могут называться истинными и правдивыми. Язык является важным и значительным объектом научного исследования не только в философии языка, но и в ряде других гуманитарных и естественных наук (история, литература, биология, психология, теология, этнография, социология и др.). Основы современных теорий происхождения языка заложили древнегреческие философы. Основные гипотезы базировались на следующих идеях:

- 1) природное происхождение названий предметов (теория «фюсей»);
- 2) установления названий по соглашению (теория «тесей»). Впоследствии, эти идеи получили дальнейшее свое развитие в работах многих ученых, философов и лингвистов. Определенно, кроме вышеизложенных теорий существовало и ряд других мнений и доводов. В современной научной теории можно выделить следующие три основные группы гипотез по происхождению языка: креационные, социальные и биологические.

1.2.1. Теории создания и происхождения языка

К креационным гипотезам происхождения языка следует отнести все теории религиозного характера (язык-творение Бога), или т. н. «инопланетные» теории (создание человечества и языка внеземной цивилизацией) [11,6]. В священных писаниях различных религий отражена единая идея о происхождении языка - «язык был создан Богом, Созидательной силой, или божественными мудрецами».

Одним из самых древнейших письменных источников (наряду с шумерскими письменами) являются индийские веды (букв, "знание"). Первой по древности и святости считается Ригведа(XX век до н.э.). В ней в одном из гимнов говорится, что установителем имен является бог – Всеобщий

ремесленник, ваятель, кузнец и плотник, создавший небо и землю. Таким образом, согласно индийским ведам, главный бог дал имена другим богам, а имена вещам дали святые мудрецы при помощи главного бога. В мифах создание имен – священное действие, служащее не интересам людей, а завершающим этапом создания мира вещей; имена являются его атрибутом, который существует сам по себе, независимо от людей. Им предстоит лишь познать и использовать готовые имена [31,121].

В библейской традиции носителем слова был Бог. Божественная теория происхождения языка утверждала, однако, не только божественное, но и человеческое происхождение, поскольку человек, созданный Богом, получил от него дар слова. «И нарек человек имена всем скотам и птицам...» – говорится в Библии. Из описания Сотворения в Библии очевидно, что язык существовал до того, как Бог начал творить этот мир. История человечества позволяет верующим утверждать, что язык существует столько, сколько существует Бог, а исходя из священных писаний, Бог существует вечно [48,51].

Согласно Корану Адам был сотворен Аллахом из праха и «звучащей глины». Вдохнув в Адама жизнь, Аллах научил его именам всех вещей и этим возвысил его над ангелами».

Несмотря на то, что данные гипотезы опираются на основы теологии, и не приводят определенных неопровержимых фактов, они поддерживались многими учеными и философами. И. Гердер, например, писал: "Однако и со всеми этими орудиями искусства, как мозг, органы чувств, рука, мы не добились бы ничего, как бы прямо ни ходили и ни стояли, если бы не приводила все в движение одна пружина, которую заключил в нас создатель: эта пружина – божественный дар речи" [31,42].

Не менее интересным представляется гипотеза о существовании единого языка или праязыка, согласно которой, все существующие языки в мире берут начало или произошли от одного определенного языка. Многие лингвисты считали общечеловеческим языком язык еврейский в виду того,

что многие собственные имена первобытного мира, сохранившиеся в языках всех народов изгнания, построены из корней языка еврейского. Данный язык, согласно традициям иудаизма, называют «Священным языком», на котором Создатель говорил с Адамом, и люди говорили на нем до Вавилонского столпотворения. Позднее на этом языке говорили пророки, и на нем было написано Священное Писание [31,11].

Многие ученые предполагали, что языки мира произошли из единого источника. Так, немецкий философ Г.В. Лейбниц, владевший многочисленными языками, занимался вопросами родственных отношений языков и общей теории языка. Лейбниц, хотя и не поддерживал «еврейскую теорию» происхождения языков, он склонялся к признанию единого первоначального языка. Он его обозначил как «адамический», т. е. ведущим происхождение от Адама.

1.2.2. Биологические применения происхождения языка

Биологические гипотезы о происхождении языка в основном ориентированы на эволюцию анатомического строения человека, изучение органов, участвующие в организации речевой деятельности, развития генетической картины, связь человека с окружающей средой. Несмотря на существование массу противоречивых версий и доводов биологических гипотез, ведущую роль среди них занимает теория Ч. Дарвина. По его мнению, звукоподражательная и междометная гипотезы составляют единственный источник возникновения языка. Он обратил внимание на большие способности к подражанию у обезьян [18,57].

Звукоподражательная теория объясняет происхождение языка эволюцией органов слуха, воспринимающих крики животных, т. е. язык возник как подражание животным или как выражение впечатления о называемом предмете. Сторонником этой теории был и В. Гумбольдт. Звукоподражательная теория основывается на двух предположениях:

1) первые слова были звукоподражаниями; 2) в слове звучание символично, значение отражает природу вещей.

Междометная (рефлексная) теория объясняет происхождение языка теми переживаниями, которые испытывает человек. Первые слова, по этой теории, – это произвольные выкрикивания, междометия, рефлексы. Они эмоционально выражали боль или голод, страх или радость. В ходе дальнейшего развития выкрики приобретали символическое значение, обязательное для всех членов данного сообщества. Сторонниками рефлексной теории были И. Гердер, Г. Штейнталь, Ч. Дарвин, А. А. Потебня. Шарль де Бросс, французский писатель-энциклопедист, наблюдая за поведением детей, обнаружил, как первоначально лишённые смысла детские восклицания, переходят в междометия, и решил, что первобытный человек прошел ту же стадию. Его вывод: первые слова человека - это междометия. Французский писатель и философ Жан Жак Руссо считал, что «первые жесты были продиктованы потребностями, а первые звуки голоса - исторгнуты страстями. Все страсти сближают людей, тогда как необходимость сохранения жизни вынуждает их избегать друг друга. Не голод, не жажда, а любовь, ненависть, жалость и гнев исторгли у них первые звуки. Это самые древние из слов и вот почему первые языки были напевными и страстными, прежде чем стали простыми и рассудочными [48,126].

С точки зрения философии *язык – это знаковая система любой физической природы, выполняющая познавательную и коммуникативную функции в процессе человеческой деятельности* [40,345]. В. Гумбольдт, А. Шлейхер связывали зарождение языка с развитием мышления первобытного человека, с потребностью конкретизации выражения его мысли: благодаря мышлению человек начал говорить, благодаря языку он научился мыслить. Гумбольдт считал, что рождение языка было обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык не только средство общения людей, он заложен в самой их природе. Эта теория, однако, не говорила о

внутренних механизмах перехода от доязыкового к языковому состоянию людей [58,29].

В свою очередь, А. Хомский выдвигает свою гипотезу о возникновении языка согласно которой, человек обладает врожденной, генетически обусловленной «когнитивной структурой» или т. н. «языковым органом», способствующим усвоению языка. Разгадка, по его словам, “может заключаться не столько в теории естественного отбора, сколько в молекулярной биологии”. [12,55] Адаптивный смысл языка, согласно гипотезе Хомского, состоит в обеспечении мышления. В своей книге “О природе и языке” он пишет: “Язык не считается системой коммуникации в собственном смысле слова. Это система для выражения мыслей, т. е. нечто совсем другое. Ее, конечно, можно использовать для коммуникации. «Нативисты» выдвигали теорию о «языковых генах». Так, например, Д. Бикертон уделяет большое внимание на быстрое усвоение языка детьми (то, что называется «грамматическим взрывом»). А раз язык является врожденным, то, по мнению Бикертонна, возникнуть он мог только одномоментно, в результате генетической мутации.

Современная наука не ограничивается лишь этими теориями. По последним исследованиям американские ученые произвели работу гена речи FOXP2. Среди генов, отличающих человека от других приматов, особая роль отводится гену FOXP2. Этот знаменитый ген, согласно классическим представлениям, отвечает за человеческую речь. То есть за ту особенную черту, которая присуща исключительно человеку. Поэтому, ученые предполагают, что движущий отбор действовал в направлении совершенствования функции именно ранее известного языкового гена FOXP2, и в результате человек приобрел способность к членораздельной речи [31,17].

1.2.3. Социальные предположения происхождения языка

С развитием науки и философии язык рассматривался только как явление социальное. На этой позиции стояли представители различных течений гуманитарной науки – бихевиористы (Скиннер), структуралисты (Пиаже), марксисты (Выготский) [41,12]. Социальная гипотеза предполагает, что труд – это основной фактор, способствующий возникновению языка. Еще в античные времена греческий философ Диодор Сицилийский выдвигал теорию социального договора. В ее основу входит теория о всеобщей договоренности, согласно которой, люди договорились об обозначении предметов словами. Эту теорию широко поддерживали Томас Гоббс, французский математик, физик и философ первой половины XVIII века Луи Мопертюи, французский философ-просветитель Этьен Кондильяк, английский социолог и экономист Адам Смит. По словам английского философа Томаса Гоббса, людям, чтобы выжить, нужно было объединиться в группы и это побудило их создавать какие-то способы общения, т. е. язык [31,64]. К социальным гипотезам следует также отнести трудовую теорию немецкого философа Л. Нуаре. Он подчеркивал не только первоначальную связь мышления и деятельности людей, он выдвинул теорию «трудовых выкриков», в которой говорил, что каждый междометный выкрик стимулировался не чувствами, а мускульными усилиями человека или совместной трудовой деятельностью [52,167].

Психолингвист Ник Энфилд отмечает, что для понимания языка необходимо учитывать взаимодействия между людьми — ведь язык может распространяться только через общение, представляющее собой не передачу всей системы сразу и целиком, а обмен отдельными высказываниями. Разговор, как и другие социальные взаимодействия людей, представляет собой цепочку попеременных действий каждого участника, так что действие одного влечет ответное действие другого.

Японский приматолог Нобуо Масатака полагает, что языковой способности предшествовала способность музыкальная. Эгоистические индивиды не могли создать язык, следовательно, прежде всего им надо было

объединиться, почувствовать себя единым коллективом — настолько единым, чтобы обмен информацией имел смысл. Н. Масатака обращает внимание на начальные стадии человеческого общения — на общение матери с ребенком. Когда ребенок начинает гулить, у самых разных народов можно наблюдать, как мать обращается к ребенку с какими-нибудь совершенно “неинформативными” словами типа *агу*, а ребенок отвечает ей нежным гулением. Такие контакты, когда обмен вокализациями не передает никакой информации, но создает эмоциональный контакт, теплые взаимные чувства, отмечен и у обезьян — в частности, у японских макак. Далее, когда ребенок начинает говорить, мать часто, обращаясь к нему, говорит высоким голосом, подчеркивая ритм своих фраз. Высокий голос привлекает внимание ребенка, ритм провоцирует эмоциональный отклик — в результате ребенок лучше понимает мать, а впоследствии лучше овладевает языком. По мнению Масатаки, эти же две стадии проходили и гоминиды на своем пути к языку: стадия “гуления” создала слоги, используемые для установления эмоционального контакта, на стадии “лепета” возникли многосложные звуки, и контакт стал более богатым и более комплексным [48,23].

Вопрос о возникновении языка привлекал большой интерес выдающихся философов, мыслителей во все времена. Сегодня он также является одним из самых обсуждаемых вопросов в современном языкознании. Проблема происхождения языка ставится в современной философии языка прежде всего как проблема природы языка, которая представляет ряд сопутствующих вопросов: Можно ли говорить о языке животных, или это специфическая способность человека? Можно ли в истории человечества объяснить появление языка исключительно биологическими факторами: изменением конструкции черепа, развитием артикуляционного аппарата или возникновением особого «говорящего» гена. Или это результат формирования общественных отношений, обусловленных специфической материальной культурой. Что представляет собой обучение естественному языку? Возможно ли воспроизведение языковой деятельности животным или

машиной? Фактически речь идет о новой формулировке задачи определения человека – на основе языковой деятельности его интеллекта.

1.3. О соотношениях языка, бытия и мышления

Язык всегда представлял большой интерес и как средство общения, и как система знаков, и как средство выражение мыслей. Еще с античных времен человек, воспринимая окружающую его действительность и контактируя с ней, старался выразить ее. Тем самым, язык стал средством отражения реальности человеческой мысли.

Для современного этапа развития науки о языке характерна установка глубинного постижения языка в широком теоретико-методологическом контексте [6,81]. Эта установка находит свое выражение в том, что многие проблемы и темы, рассматриваемые ранее как «экстралингвистические», относящиеся к так называемой «внешней лингвистике», стали трактоваться в современной лингвистике как «интралингвистические» («внутренние»), имеющие непосредственное отношение к предмету изучения науки о языке [7,196]. К числу таких новых интралингвистических проблем в современной науке о языке относится вопрос о взаимосвязи языка и реальности. А также связь ее с мышлением.

В XX в. аспект отношений человека и мира становится предметом особого внимания в лингвофилософии [61,155]. Существует ряд теорий и высказываний по данной проблематике, основа которых заложена в античном времени. В то время интерес мыслителей к языку носил исключительно философский характер, а центральной проблемой этой эпохи являлось взаимоотношение между вещью, мыслью и словом. Отражение этой идеи можно найти во многих лингвистических концепциях и у современных лингвистов.

Философия языка включает в себя широкую область исследований, направленных на изучение взаимоотношений между языком, бытием (реальностью, действительностью, миром) и мышлением, а также сами

теоретико-методологические знания, выражающие и интерпретирующие эти взаимосвязи. Эти сферы – язык, бытие и мышление – могут трактоваться при этом в различных лингвофилософских концепциях как: 1) самостоятельные и независимые друг от друга, 2) частично тождественные или 3) вообще не отличающиеся друг от друга. Так, в качестве самостоятельного начала в философии языка может рассматриваться бытие, а язык и мышление могут интерпретироваться как моменты включающего их сознания, противостоящего бытию. Задача философии языка сводится в этом случае к установлению соотношений между бытием и сознанием в его языковом проявлении. Соотношение языка, мышления и действительности далее может рассматриваться в самом общем виде или же сводиться к изучению соотношения лишь наиболее важных единиц и моментов этих областей или даже отдельных частей этих областей: 1) слова, имени, языкового знака, предложения, синтаксиса, грамматической категории и т.д., 2) мысли, понятия, логического суждения, знания, логики, логической категории и т.д. и 3) вещи, свойства, отношения и т.д., – которые могут рассматриваться в отдельных лингвофилософских концепциях в качестве «первоначал» бытия и «первоэлементов» реальности [74,287].

Ряд течений неогумбольдтианства (Б. Л. Уорф, Л. Вайсгербер и др.) и аналитической философии (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Дж. Остин, Дж. Серл и др.) представляют язык как феномен, который определяет мышление, влияет на результаты познания человеком мира, бесконечной реальности. Учение и труды В. фон Гумбольдта, некоторых представителей неогумбольдтианства, неопозитивизма и структурализма направляются, главным образом, на «возвращение» языка к реальности объективной и субъективной, «восстановление» его действительных естественных связей, на развенчание представлений о языке как некоей мистической силе, навязывающей человеку определенную картину мира [44,136].

В научных исследованиях отмечается, что человеческое познание не пассивно, не зеркально, оно субъективно, в том смысле, что это познание человеческое. Признавая разнообразие сегментации, расчленения мира в разных языках, исследователи настаивают, что это исходит не от суверенной активности языка, а является результатом конкретно-исторического опыта освоения мира тем или иным народом. Этот опыт запечатлевается во всем строе языка, в его грамматических и лексических формах. И в этом своем состоянии язык выступает в качестве своеобразной «преднауки», систематизирующей мир, и определенным образом влияет на восприятие мира и на дальнейший ход познания. Однако первичной является схематика и система самого мира, которые и отражаются мышлением в процессе совместной предметно-практической деятельности людей [28,134].

На первый план выдвигается проблема языка и мышления, языка и общества; в такой трактовке происходит возвращение к реальности через соединение языка и мышления. Язык не был бы практическим действительным сознанием, если бы он был отлучен от семантики, отражения, то есть от реальности. Некоторые исследователи настаивают на общечеловеческом характере мышления, на наличии общего для всех людей логического строя, который отражает логику мира, опыт его освоения. В этой связи язык является вторичным по отношению к мышлению, непосредственности мысли, которая отражает мир.

1.3.1. Язык, мышление и реальность

Мышление — это активный процесс отражения объективной действительности в формах представлений, понятий, суждений, умозаключений. Мышление является частью сознания, т. е. всего процесса отображения действительности нервно мозговой системой человека. Таким образом, будучи связанным с понятийными аспектами именно мышление ответственно за осмысливание, переработку и трансформацию языкового знака в то, что он означает — в понятие.

Мышление главным образом оперирует понятиями как логическими значениями языковых знаков. Проблема значения слова связана не только с мышлением, но и с сознанием. Ведь кроме логических значений языковых знаков существуют также эмоциональные и эстетические. А семантика языка это как раз и есть сочетания всех значений. Можно выделить четыре основных гипотезы о соотношении мышления и языка[44,122].

Гипотеза I. Язык есть мышление. Подразумевается, что эти понятия тождественны. Не может быть языка без мышления и мышления без языка. Говорение (речевая деятельность) приравнивается к озвученному мышлению, невыраженное мышление — к внутреннему говорению.

А. Шлейхер предполагал: «Язык есть мышление в звуке, как и наоборот, мышление есть беззвучная речь». «Без речи, — писал И. М. Сеченов, — элементы чувствительного мышления, лишённые образа и формы, не имели бы возможности фиксироваться в сознании: она и придает им объективность, род реальности (конечно фиктивной), и составляет поэтому основное условие мышления нечувственными образами».

Гипотеза II. Язык есть мышление, но мышление не есть язык. Согласно данной гипотезе говорение и мышление не одно и то же, а разные стороны одного процесса. Язык и интеллект развиваются в тесной связи, но ни один из них не является результатом другого. Мы можем мыслить без языка, но мы не можем говорить без мышления. Речевая деятельность, по мнению Г. П. Мельникова, меняет состояние сознания, но это изменение может протекать и без участия языковых знаков, например, под воздействием сигналов, получаемых от органов зрения, осязания и т. п. «Следовательно, речевая деятельность всегда сопровождается мыслительными процессами, но мышление может протекать независимо от языковых процессов. Именно поэтому одно и то же понятийное содержание может быть выражено различными языковыми средствами».

Гипотеза III. Язык не есть мышление, но мышление есть язык.

Согласно этому тезису, все, что высказано и реализовано в чувственно воспринимаемых структурах (звукоряды, графические знаки и т. п.), никак не может быть приравнено к мышлению и элементов такого не содержит. Однако мышление как процесс протекает в формах собственного языка. Психологи называют этот процесс внутренней речью, имеющей предикативную структуру, которая преобразуется во внешнюю — речь.

Гипотеза IV. Язык — это не мышление, и мышление — это не язык. Согласно данному положению, язык и мышление — разные типы поведения. Сначала человек думает, затем говорит. Даже если он говорит про себя, он сначала обдумывает. Так, Э. Леннеберг предполагает, что интеллект и речь, интеллектуальная и языковая способности человека совершенно самостоятельны и друг от друга не зависят. Но все же зависимость данных феноменов при относительной автономности подтверждается большинством исследователей. Так, в общих чертах представляется совокупность существующих мнений относительно связей мышления и языка.

Все четыре гипотезы небезосновательны и имеют право на существование. Однако в любом случае невозможно отрицать наличие тесной связи между процессами мышления и функционированием языка. Отношение мысли к языку проявляется в том, что человек изобретает и создает те или иные формы речи, формы и способы языкового выражения. Мысль, обращенную на речь и язык, т. е. мысль о языке, называют языковым мышлением [55,93].

Мысль воплощается в слове не стихийно, а осознанно. В слове наша мысль делает значащими все более тонкие структуры. Осмысление, осознание, ощущение своей речи человеком как процесса языкового мышления развивается, затрагивая все новые детали строя языка. Осмысление речи принято делить на распознавание речи и понимание речи. Распознаванием называют узнавание материальной формы речи (знака). Пониманием называют тот или иной тип осознания смысла сказанного и

того, каким образом он выражен. Тесная связь между языком и мышлением может быть обоснована и тем. Что структурное и понятийное значения тесно связаны между собой. Дж. Ферс полагал, что значение может быть раскрыто при помощи контекста ситуации, которая включает в себя не только саму обстановку речи и собеседников, но и окружающие предметы, социальный и культурный опыт говорящих. «Содержание, — пишет Г. Глисон в работе «Техника семантики», — вне его структуры не поддается какому либо обобщению. Субстанцию содержания составляет, несомненно, вся совокупность человеческого опыта». Между понятиями и образами в речи и лексическими понятиями устанавливаются сложные и многоаспектные связи. В этих связях, несомненно участвуют как и другие семиотические системы, так и предметный мир, отражаемый сознанием. Связи составляют суть отношений между процессом мышления в языковой форме и языковым мышлением, когда возникает осмысление языкового выражения [24,67].

Проблема «Язык и реальность» – это часть более обширной проблемы «Человек и мир». Она приобретает все большую актуальность, по мере того как вместо наивного представления о непосредственной данности мира человеку (через органы чувств) утверждается мысль о мире, данном посредством языка, влияющего не только на процессы и результаты его познания, но и на человеческие поступки. В XX в. этот аспект отношений человека и мира становится предметом особого внимания не только лингвистов, но и философов.

Широко этой проблемой занимались такие выдающиеся ученые, как Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, У.В.О. Куайн, Д. Дэвидсон, М. Даммит, Х.-Г. Гадамер, М.Хайдеггер, П.Рикер. Понятие «реальность» и его соотношение с языком, рассматривается философами и лингвистами в различных вариантах. Так, М.Хайдеггер акцентирует внимание на соотношении языка и бытия и представляет постижение бытия как раскрытие его манифестации в языке. В то же время Х.-Г.Гадамер, П.Рикер и ряд

других исследователей рассматривают взаимосвязи языка и мышления в непосредственном их отношении к бытию.

В осмыслении проблемы «Язык и реальность» выдвигаются два направления: 1) от языка к реальности (влияние языка на восприятие и осознание действительности) и 2) от реальности к языку.

Первое осуществляется в современной психолингвистике (особо актуально исследование языковых ассоциаций, влияние особенностей ассоциирования на восприятие мира). Для второго направления (от реальности к языку) характерны такие две особенности:

- 1) Реальность берется, как правило, в суженном значении – не глобально, не как мир в целом в его сущностных свойствах, а преимущественно как общественно-историческая реальность и ее языковое отражение (Р. А. Будагов, В. З. Панфилов, Б. А. Серебренников и др.).
- 2) Отражение реальности предстает не непосредственно, а через мышление, через осознание процессов, происходящих в обществе [41,211].

Связь языка и мышления (в отличие от языка и реальности) в силу ее очевидности признают представители самых разных современных философских направлений. Впрочем, менее очевиден характер этой связи, поскольку соединение языка и мышления (сознания) происходит в глубинах человеческой ментальности, хотя сама способность воплощать результаты такого познания заложена в изначальной сцепленности языка с мышлением.

Несколько по-другому проблему «Язык и реальность» рассматривает Э. Бенвенист, основываясь на концепции Фердинанда де Соссюра, который впервые представил язык, как знаковую систему. Язык состоит из формальных элементов, соединяемых в переменные комбинации в соответствии с определенными принципами *структуры*.

Так, фонемы представляют собой психологическую реальность, и говорящий без труда может осознать их, ибо, воспринимая звуки, он в действительности идентифицирует фонемы. В целом же язык представляет

собой наивысшую форму способности, неотъемлемой от самой сущности человека, а именно - способности к *символизации*.

Под *символизацией* в самом широком смысле понимается способность *представлять* (*репрезентировать*) объективную действительность с помощью «знака», а сам «знак» считается представителем объективной действительности. Поэтому он способен устанавливать отношение «значения» между какой-то одной и какой-то другой вещью.

Существование системы символов раскрывает одну из основных особенностей человеческого бытия: нет естественного, непосредственного и прямого отношения ни между человеком и миром, ни между одним человеком и другим. Необходим посредник - тот символический аппарат, который сделал возможным мышление и язык. За пределами биологической сферы способность к символизации - самая характерная способность человеческого существа [48, 186].

Язык, его структура и система, восстанавливаемые за речевыми проявлениями, предстают как относительно простой, организованный, устойчивый, упорядоченный механизм, передаваемый из поколения в поколение, как потенциальная возможность существования неисчерпаемого количества конкретных речевых фактов. Однако так понимаемая неисчерпаемость языка (речи) оказывается «беспомощной» перед лицом неисчерпаемости бесконечного мира [74,281].

Семиотический подход к языку доказал свое право на существование, поскольку значительно расширил угол зрения и поле исследований. Особенно когда речь идет о свойстве «языковости»-знаковости, которое, подобно отражению, заложено в самой природе материального мира. В качестве основы, фона и генетического источника «языковости» выдвигается проявление сущности в явлении. Здесь подчеркивается родственность, сопрягаемость языка и остального мира.

В "Логико-философском трактате" язык предстает в виде логической конструкции, вне связи с его реальной жизнью, с людьми, использующими

язык, с контекстом его употребления. Неточные способы выражения мыслей в естественном языке рассматривались как несовершенные проявления внутренней логической формы языка, якобы отражающей структуру мира. Развивая идеи логического атомизма, Л. Витгенштейн уделял особое внимание связи языка с миром — через отношение элементарных предложений к атомарным фактам и через толкование первых как образов вторых. При этом Л.Витгенштейну было ясно, что никакие предложения действительного языка не являются элементарными предложениями — образами атомарных фактов [44,112]. Понятие «факт» у Витгенштейна многозначно. Факт интерпретируется и как элемент действительности, и как логический образ. В логико-атомистической картине мира факты представляют отношения между объектами. Объекты выражают внутреннее единство мира, его «субстанциальные» начала. При утверждении основных теоретических положений логического атомизма Л. Витгенштейн сопоставляет «логическое» (связанное с нормами научного мышления) и «этическое» (выражающее нормативы ценностного сознания). Л.Витгенштейн указывает на различие норм, регулирующих каждый из этих видов мышления.

«Логика» и «этика» - автономны и по-разному представляют реальность. Интерпретация «логического» и «этического» как двух автономных основ миропонимания означала расщепление единого воззрения на мир и противопоставление рационально-теоретического и практического отношений человека к действительности [38,115].

Проблема «Язык и реальность» рассматривается в современной философии и лингвофилософии в самых различных аспектах в совокупности с мышлением в роли сопряженных категорий, образующих контекст обсуждения проблемы сущности и существования языка. Сущность языковой деятельности, по мнению французского философа Э.Левинаса, заключается в том, чтобы «высветить за пределами данности бытие в его единстве», а по Г.

Ипсену парадокс языка состоит в том, что он является, собственно говоря, «не языком, а миром» [48,23].

ВЫВОДЫ К I ГЛАВЕ

"Философия языка" возникла задолго до лингвистики - в существовании языкознания она не нуждается [7,65]; для нее достаточно существования языка, чтобы анализировать "понятие языка", "идею языка". Вопросы о природе языка, связи языка и мышления, соотношения предмета, слово и реальности, восприятие окружающей действительности и отражение ее в языке – традиционные вопросы философии. Данные вопросы представляют существенную значимость и в лингвистике.

Лингвистические исследования языка как такового базируются на анализе и рассмотрении внутренней структуры языка и составляющих ее элементов, а философский аспект определяет их понятийную и функциональную основы.

Классическая философия тематизировала проблематику языка под двумя углами зрения: 1) объяснения генезиса языка, где были выдвинуты две альтернативные концепции — возникновения языка по природе и по конвенции, и 2) взаимосвязь языка и мышления, причем при всем многообразии концепций, обсуждавших этот круг проблем, их объединяло то, что язык рассматривался как пластичный материал выражения мысли, которая трактовалась как безличная, объективно-идеальная структура однозначных значений. Язык для классической философии — зеркало рассудка (Дж. Локк, Г. Лейбниц). Конечно, опосредованным образом специфическая структура языка задавала и перспективу категориального расчленения, поскольку категории выявлялись (Аристотелем, И. Кантом, А. Тренделенбургом и др.) как типы связки в суждениях, отождествлявшихся с предложениями, а типы связки субъекта и предиката различны в различных языках. Несмотря на всю оригинальность лингвистической концепции Гумбольдта, она все же вплоть до 20 в. не оказала какого-либо

существенного влияния ни на философию, ни на лингвистику. Философия по-прежнему стремилась очистить структуры знания и мышления от сопряженности с языком, повернуть в своей критической рефлексии от мышления, погруженного в неоправданные отождествления, в метафоры, в полисемичность, присущие естественному языку, к чистому мышлению в понятиях, имеющих объективное, надличностное и однозначное значение [9,45]. Собственно классическую философию интересовал, скорее всего, мир идеальных значений, а язык представлял либо как податливый материал выражения этого значения.

ГЛАВА II.

ВОПРОСЫ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

2.1. Основы лингвистической философии и грамматики в структурной лингвистике

Данный спектр вышеизложенных вопросов составляет проблемное поле не просто языка, а его внутренней структуры. Таким образом, в настоящей главе речь пойдет о вопросах и проблемах внутренней лингвистике (структуры языка) и лингвистической философии.

Принято различать лингвистическую философию и философию языка. Лингвистическая философия решает философские проблемы путем анализа значений слов естественных языков и логических отношений между ними. Такой анализ можно использовать при обсуждении традиционных вопросов философии, например, проблем детерминизма, скептицизма или каузации. Лингвистическая философия облекает в словесную форму реально существующие в сознании представления о бытии и сущности. Она складывается из «попыток проанализировать самые общие языковые единицы и отношения, такие, как значение, истина, верификация, речевой акт или логическая необходимость» [14,34].

Как целостное направление лингвистическая философия оформилась к

середине XX в. Основы лингвистической философии впервые ввел Л. Витгенштейн. Крупнейшими представителями этой области лингвистики также являются: Ф. Вайсман, Дж. Остин, Э. Анкомб, П. Гич, Г. Райл, А. Дж. Айер, П. Ф. Стросон, Дж. Урмсон, П. Ноуэлл-Смит, Р. Хэар, Д. Уиздом, М. Лазеровиц.

В лингвистической философии различаются три основные парадигмы представления языка, делающие акцент на семантическом, синтаксическом или же прагматическом планах языка: 1) философия имени («семантическая парадигма»), исходящая из имени и его отношения к миру, 2) философия предиката («синтаксическая парадигма»), опирающаяся на предикат как на ядро суждения и изучающая синтаксические связи между языковым выражением и взглядом на мир лишенного личностных свойств, и 3) «философия эгоцентрических свойств» («прагматическая парадигма»), исходящая из момента связи между языком и говорящим субъектом. Первая парадигма разрабатывалась в философии языка со времен античности вплоть до начала 20 в. Вторая – в философии языка неопозитивизма. Третья – в философии языка позднего логического неопозитивизма (Б. Рассел) и в формальной прагматике (Р. Монтегю, К. И. Льюис, Я. Хинтикка и др.) [54,43].

Объектом внимания лингвистической философии, в отличие от логического позитивизма, стали не искусственные языки-модели, а разговорный естественный язык. Язык - средство конструирования, а не отражения мира. Некоторые лингвисты и философы утверждают, что, отказываясь от анализа всей философской проблематики отношения языка и мышления, лингвистическая философия направила исследование на эмпирическое описание различных видов употребления выражений в языке, прибегала к конвенционалистской его трактовке. Начиная с 60-х гг. XX века, наблюдаются тенденции отхода сторонников лингвистической философии от ортодоксальной позиции «чистого анализа» и обращения к содержательным философским проблемам (П. Стросон и др.). Происходит сближение проблематик и исследовательских подходов лингвистической философии и

ряда направлений современной лингвистики (прежде всего в области лингвистической прагматики). Некоторые первоначально выдвинутые в лингвистической философии концепции получают формальнологическую трактовку [39,87]. Анализ предпринимался с целью определения философски значимых концептов (таких, как «добро», «зло», «долг», «знание», «значение» и др.), опираясь на контексты употребления соответствующих слов в обыденной речи. Другая цель анализа — выявление особой «логики» (правил, регламентов и конвенций) функционирования языка в условиях повседневной коммуникации. Первый круг задач выполнялся концептуальным анализом, второй — логическим анализом речевых актов[43,23].

Определенно, в центре исследования лингвистической философии находится слово. Главная задача философии относительно данного вопроса - исследовать символическую и дейктическую функции слова: словесный знак одинаково важен и как указание на объект, и как символ, способствующий накоплению нового знания. Лингвистические явления можно и должно рассматривать с различных (часто дополняющих друг друга) точек зрения, в той же степени и философские аспекты могут быть освещены с использованием чисто лингвистических приемов и методов. Комбинация слов в предложении, по мнению Л. Витгенштейна, это не что иное, как отражение комбинации элементов действительности. И значение слова в конечном итоге заключается в том, что оно называет. (Такое отношение слов и предметов называют *референтным*). «Совместное поведение - вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык», - пишет Л. Витгенштейн.

Немаловажным объектом лингвистической философии является также и предложение. Рассматривая язык через призму философии, то на первое место выдвигается соотношение слов и понятий, слова, прежде всего рассматриваются обозначениями мыслей. Дальнейшее развитие этих идей и возросший интерес к языку и лингвистики привели к выдвигению в центр

анализа предложения, а не слова. Законченная мысль выражается не словом, а повествовательным предложением, высказыванием. К повествовательным предложениям в отличие от слова применимо представление об истинности/ложности.

Значение слова и смысл предложения - это его употребление в языке, и для разрешения проблем надо связать язык со сферой реальных действий [46,19]. В согласии с общей теорией находится сформулированный Витгенштейном концепт значения, основанный на анализе значения существительного «значение». Такие признаки функционирования высказывания, как подчинённость правилам, конвенциональность, орудийность и целенаправленность, дали основание для понимания значения как употребления. Данная интерпретация значения противостояла теории обозначения и остенсивной теории приобретения семантических знаний. Исходным в анализе считалось значение высказывания, из него выводилось значение слова. Значения высказывания и слова рассматривались в неразрывной связи с условиями их употребления (контекстом, ситуацией, участниками коммуникации, её целями). Значение описывалось в виде набора правил употребления («грамматики» или «логики») той или другой единицы. Таким образом, значение не отделялось от категорий прагматики. Концепт значения далее развил Грайс, связавший значение с намерением говорящего произвести некоторое воздействие на адресата и выдвинувший понятие «значение говорящего». Концепция значения как употребления расширила методику семантических исследований за счёт операций по соединению слов и высказываний с типичными для них контекстами и прагматическими ситуациями. Аналогичный комплекс идей сформировался в ходе анализа практического рассуждения. Если научно-теоретическое рассуждение направлено на установление объективной истины (истинностного значения предложения), то задача практического рассуждения заключается в выборе цели и способов её достижения, и оно допускает варьирование. Его итог — принятие решения или предписание,

определяющие действия. Логический анализ практического рассуждения (языка морали) был предпринят представителями Л. ф., занимающимися проблемами этики (Мур, Ноуэлл-Смит, Хэар). Мур в противовес этическому натурализму стремился показать, что ключевые для этики оценочные предикаты («хороший», «плохой») не обозначают никакого естественного свойства объектов. Это стимулировало поиск новых принципов определения оценочных и других недескриптивных значений. В соответствии с общей для Л. ф. тенденцией оценка была определена в терминах коммуникативной установки: положительная оценка выражает рекомендацию, стимулирующую действие. [17,40] Анализ практического рассуждения выявил особый вид нарушений смысловой правильности текста. Первым привлек внимание к этому явлению Мур. Его пример «Идёт дождь, но я так не считаю» известен под названием парадокса Мура. Мур видел в нём психологическую несообразность, Витгенштейн — нарушение логики утверждения. Приведенное предложение не содержит прямого логического противоречия. Это отклонение от нормы, а не от истины. Конвенция общения требует, чтобы говорящий, утверждая что-либо, имел для этого основания. В парадоксе Мура зафиксирована непоследовательность речевых действий. Анализ практического рассуждения дал ряд результатов, относящихся к прагматической структуре текста, текстовым функциям групп слов (Ноуэлл-Смит), связям между значением слова и коммуникативными функциями высказывания, пропозициональным отношением, деонтическимимодальностями и др. Эти результаты вошли в современную семантику и лингвистику текста [35,5].

Развитие философии предложения потребовало и требует в наши дни больших усилий от философов и логиков, равно как от представителей частных наук. Внимательнейшим образом изучается теория значения и смысла, законы синтаксиса применительно как к естественным, так и к техническим языкам. Стратегической целью философии предложения является достижение максимальной ясности в понимании языка. Язык

должен быть ясным, как условие математической задачи. Философия предложения — это важнейший этап в развитии философии языка, для которого характерен обостренный интерес к семантике и синтаксису. Философия предложения дополняет философию имени. Таким образом, в философии языка и в лингвистической философии наиболее значимыми оказались три концепции: философия имени, т. е. слово и его значения, философия предложения (или высказывания), философия языка как ценностных установок личности.

2.2. Концепция Н. Хомского: трансформационная грамматика и роль формальной семантики в структурной лингвистике

Структурное направление в исследовании языка ориентировано на глубокий анализ грамматики языка, грамматических категорий, их форм и содержания. Еще за несколько веков до нашей эры философия греков занималась не только такими теоретическими вопросами, как соотношение имени с предметом, проблема знаковости языка, грамматика обязана философии созданием таких понятий, как "имя", "глагол", "падеж", "прямой падеж", "косвенный падеж". С логизированной грамматикой XIX в. коррелирует грамматизированная логика. В процессе дальнейшего развития философской мысли, когда "логическое" и "грамматическое" последовательно различались, взаимоотношение "мыслительного" и "словесного" неизменно являлось предметом философской рефлексии; абстрактные "теории языка", создаваемые философами (часто путем анализа "понятия языка"), определили развитие идей "рациональной или всеобщей грамматики" (XVII-XVIII вв.), равно как "философской грамматики" (XVIII-XIX вв.), а с зарождением лингвистики (в XIX в.) философские теории языка влияли на все "теории языка" в общелингвистических концепциях [10,45].

Центральную позицию в исследовании философии грамматики занимает предложение. В философии предложения понимается как то, что обладает свойствами и участвует в отношениях. Свойства и отношения

называются *признаками*. При рассмотрении любого предложения интерес представляют два момента: 1) что соответствует предложению в реальной действительности; 2) каким образом связаны слова в предложении. В первом случае мы интересуемся *значением* и *смыслом* предложения, а во втором — его грамматикой, составленностью, синтаксисом.

Рассмотрим четыре следующих предложения.

- 1.Музей Темуридов находится в Нью-Йорке.
2. Темуридов в Нью-Йорке находится музей.
- 3.Музей Темуридов находится в столице Узбекистана.
4. Музей Темуридов находится в самом большом городе Узбекистана.

Первое предложение ложно: музей Темуридов находится, как известно, не в Нью-Йорке, а в Ташкенте. Так как первое предложение ложно, то оно не имеет значения. Второе предложение построено не по правилам грамматики, синтаксиса, следовательно, нет оснований ставить вопрос о его значении. Третье и четвертое предложения обладают одним и тем же *значением*, но разными *смыслами*. Это становится очевидным, если мы перепишем третье и четвертое предложения следующим образом.

- 3.Музей Темуридов находится в Ташкенте, Ташкент — столица Узбекистана.
- 4.Музей Темуридов находится в Ташкенте, Ташкент — самый большой город Узбекистана.

Левые части предложений 3' и 4' одинаковы, они обладают одним и тем же значением. Правые части предложений различны, они выражают два *смысла*: в одном случае речь идет о том, что Ташкент — столица Узбекистана (так это или не так можно установить по Конституции Узбекистана), в другом — утверждается, что Ташкент является самым большим городом Узбекистана (истинность этого утверждения

устанавливается сравнением Ташкента с другими городами Узбекистана, прежде всего с Самаркандом и Бухарой).

Итак, можно сделать вывод, что основу философии грамматики и в частности предложения составляет взаимосвязь семантики и синтактики т. е. смысл одного слова в отдельности, а также, смысл слов в сочетании их друг с другом [7,45].

Синтаксический компонент грамматики, или теории языка, представляет собой систему правил, допускающих или предписывающих выполнение определенных действий над элементами определенного типа. Эти терминальные элементы мыслятся как минимальные единицы смысла, Л. Витгенштейн называет их атомами, которые структурирует язык посредством синтаксиса. Н. Хомский называет эти минимальные единицы формативами. Формативы бывают двух типов — лексические и нелексические. Первые можно представить себе как аналог тех общих терминов или имен собственных смысл которых ни в коей мере нельзя считать синтаксически производным от какого-либо другого; сюда относятся такие примеры, как глаголы sing 'петь' или love 'любить', прилагательное red 'красный', имя Mary. Элементы второго типа имеют более гетерогенный характер; они включают, например, форматив, называемый Past, для обозначения прошедшего времени [11,68].

Исходя из этого, нужно отметить, что существенная роль отводится понятию «трансформализм» в философии грамматики.

Одним из ведущих основоположников и представителей трансформационной грамматики является Н. Хомский, однако само понятие «трансформационное правило» в грамматике впервые представил учитель Н. Хомского, З. Харрис. Одна из основных идей трансформационной грамматики составляет положение «Грамматики Пор-Рояля», которая заключается в следующем: «предложения обладают внутренней структурой, связанной с мыслью, и внешней структурой, отражающей произношение и написание [12,15]; все языки обладают одной и той же внутренней

структурой, различаясь только по внешнему облику своих предложений» [18,55]). Одним из новаторских достижений "Грамматики" Пор-Рояля – работы, которая положила начало традиции философской грамматики, – было признание ею важности понятия сочетания слов (составляющей) как грамматической единицы. До этого грамматика была преимущественно грамматикой классов слов и окончаний. В картезианской теории Пор-Рояля составляющая соответствует сложной идее, а предложение подразделяется на ряд последовательных сочетаний слов (составляющих), которые, в свою очередь, подразделяются на составляющие, и так далее до тех пор, пока не будет достигнут уровень слова. Таким путем мы получаем то, что можно было бы назвать "поверхностной структурой" рассматриваемого предложения. Согласно теории Пор-Рояля, поверхностная структура соответствует только звуковой стороне – материальному аспекту языка; но когда производится сигнал, наряду с его поверхностной структурой, происходит мыслительный анализ того, что мы можем назвать глубинной структурой, которая прямо соответствует не звуку, а значению. Глубинная структура соотносится с поверхностной структурой посредством некоторых мыслительных операций, в современной терминологии – посредством грамматических трансформаций. Каждый язык может рассматриваться как определенное соотношение между звуком и значением. Следуя за теорией Пор-Рояля до ее логического завершения, отметим, что грамматика языка должна содержать систему правил, характеризующую глубинные и поверхностные структуры и трансформационное отношение между ними и при этом – если она нацелена на то, чтобы охватить творческий аспект использования языка – применимую к бесконечной совокупности пар глубинных и поверхностных структур [45,11]. Как писал Вильгельм фон Гумбольдт в 1830-х годах, говорящий использует бесконечным образом конечные средства. Грамматика должна, следовательно, содержать конечную систему правил, которая порождает бесконечно много глубинных и поверхностных структур, связанных друг с другом соответствующим

образом. Она должна также содержать правила, которые соотносят эти абстрактные структуры с определенными репрезентациями в звуке и в значении - репрезентациями, которые, предположительно, состоят из элементов, принадлежащих соответственно, универсальной фонетике и универсальной семантике. С развитием трансформационной грамматики, на передний план вышли абстрактные системы формальных правил, позволяющих определять лингвистические понятия и устанавливать свойства воплощений таких систем [46, 13–32]. Н. Хомский при обсуждении природы грамматических операций ограничивался синтаксическими и фонологическими примерами, избегая вопросов семантической интерпретации. Если грамматика призвана характеризовать полную языковую компетенцию говорящего-слушающего, отмечал он, то она должна включать также правила семантической интерпретации. Предлагается считать, что грамматика состоит из синтаксического компонента, который задает бесконечное множество пар глубинных и поверхностных структур и выражает трансформационные отношения между элементами этих пар, из фонологического компонента, который приписывает фонетическую репрезентацию поверхностной структуре, и семантического компонента, который приписывает семантическую интерпретацию глубинной структуре. Н. Хомский подчеркивал, что существуют убедительные факты в пользу того, что некоторые аспекты поверхностной структуры тоже релевантны для семантической интерпретации. Как бы там ни было, вряд ли можно сомневаться в том, что полная грамматика должна содержать весьма сложные правила семантической интерпретации, обусловленные, по крайней мере, отчасти, весьма специфическими свойствами лексических единиц и формальных структур рассматриваемого языка [16,55]. Несмотря на то, что Н. Хомский скептически относился к семантике и настаивал на автономии синтаксиса, он отмечал, что «глубинная синтаксическая структура очень важна с семантической точки зрения, поскольку она раскрывает то, что на уровне поверхностной структуры скрыто»[61,5]. Если рассмотреть,

например, поверхностную структуру двух предложений: (2a) «MaryorderedJohntoleave» и (2б) «MarypromisedJohntoleave» («Маша велела Ивану уйти» и «Маша обещала Ивану уйти») – то они очень схожи. Ясно, что в первом - это Иван должен уйти, а во втором, что это Мария, которая должна уйти. И это показано в глубинной структуре данных предложений [37,8] т. е., исходя из значений слов «ordered» «promised». В последствии своего развития аспект семантики рассматривается, как отдельная научная дисциплина.

Формальная семантика – это один из подходов к семантике синтаксиса. Она имеет много общего с семантикой в логике. Формальная семантика уходит корнями в несколько дисциплин. Наиболее важные из них: логика, философия и лингвистика. Наиболее значительной фигурой в ее истории, несомненно, является Ричард Монтегю. Он написал основополагающие работы в данной области в конце 60-х начале 70-х годов XX века.

Вначале 60-х годов деятельность по разработке семантического компонента стала совместима с порождающей грамматикой Н. Хомского. Эту гипотезу стали разрабатывать впервые Кац и Фодор. Их интересовало то, что мы называем композициональностью: как получить значение высказывания из значений его частей. Гипотеза Каца и Постала была такой: все необходимое для семантической интерпретации, в том числе такие морфемы, как «NEG» для отрицательных предложений, должно быть представлено в глубинной структуре и главное, что трансформации никогда не меняют смысл. По новой теории вывод примера 4б «Питер не пришел» был бы другим - морфема «NEG» уже присутствует в глубинной структуре, и трансформация T-NEG только перемещает морфему «NEG» на ее реально наблюдаемое место в поверхностной структуре. Так эта глубинная структура сейчас имеет внутри себя «NEG» - NEG [Питер [пришел]]. Поверхностная структура будет [Питер [не пришел]], и смысл не меняется. [33,27] Данная гипотеза существенно изменила взгляды на грамматику. Н. Хомский и

большинство генеративистов в середине 60-х годов принимали гипотезу Каца и Постала, однако лингвисты провели эксперимент со словами кванторами – это слова такие как «каждый», «много», «никакой», «несколько». Исходя из этого, трансформации, сохраняющие значения, при применении к именам, не делали этого при применении к некоторым кванторам. Приведем например: Johnwanted [Johnwin]. Это глубинная структура и от этого получается Johnwantedtowin. «Иван хотел, Иван выиграл» - это семантически то же самое как «Иван хотел выиграть». Однако с кванторами мы получили бы от глубинной структуры Everyonewanted [Everyonewin] мы получили бы Everyonewantedtowin. Но «все хотели, чтобы все выиграли» – это не тот же самый смысл как «все хотели выиграть». Одни – это альтруисты, другие – это соперники [51,7]. Данное открытие, в свою очередь, привело к возникновению в лингвистике двух подходов к проблеме отношения между классическим трансформационным синтаксисом и семантикой. Таким образом, образовались два направления. Первое направление составили представители генеративной или порождающей семантики – Дж. Д. МакКоли, Дж. Лакофф, Дж.Р. Росс и другие. Они считали: для того, чтобы глубинная структура адекватно отображала семантическую структуру, необходимо, чтобы она была более глубокой, более абстрактной, больше похожей на логическую форму. Второе направление составили представители интерпретирующей семантики. Это Джекендофф и сам Н. Хомский. Они считали, что лучше сохранить независимое обоснование синтаксических структур. Различные семантические модули могут функционировать на различных уровнях синтаксиса [22,8].

Большой вклад в развитии формальной семантике также внес Готтлоб Фреге. Он разработал логическую структуру кванторных предложений и изобрел первый вариант логики предикатов первого порядка. Эта логика составляла часть проекта построения логически совершенного языка. Фреге предлагал свою новую логику не как анализ естественного языка, а как

исследовательский инструмент, который так же помогает естественному языку. Так же считается, что именно Фреге - автор принципа композициональности, который является сейчас основным принципом формальной семантики. Принцип композициональности такой: значения составного выражения - это функция (в математическом смысле) значений его частей и способа их соединения в синтаксическую структуру.

Одной из основных проблем формальной семантики в XX веке составило понятие, что логические методы, применяемые к анализу формальных языков, не применимы к естественным языкам. Важным здесь оказалось гипотеза Монтегю, согласно которой естественные языки считались нелогичными и неформализуемыми. Монтегю предлагал формальную основу для описания синтаксиса и семантики и отношения между ними. Он считал, что она совместима с существующей практикой описания формальных языков и значительно улучшает существующую практику описания естественного языка. В основании теории Монтегю принцип композициональности, введенный Фреге. Взаимодействие синтаксиса и семантики по Монтегю выглядит следующим образом: синтаксис – это алгебра форм; семантика – это алгебра значений, и должен существовать гомоморфизм из синтаксической алгебры в семантическую [42,19]. В последующем развитии грамматика Монтегю, включая все новые идеи и методы последователей, постепенно превратилась в формальную семантику.

Многие специалисты по семантике старались поддерживать разнообразные междисциплинарные связи. В конечном счете, не смотря на скептическое отношение Хомского, формальная семантика стала главным направлением лингвистической семантики на западе и известной дисциплиной среди философов. Формальная семантика совершенствует методы решения различных проблем. Ощутимы так же достижения в обсуждении вопросов языковой типологии, истории языка, усвоении языка ребенком, прагматики и дискурса, компьютерной лингвистики. Философия

языка самым серьёзным образом вторглась в сферу интересов лингвистической семантики и вместе с тем принесла с собой идеи деятельностного подхода к решению многих языковедческих проблем, особенно касающихся живой разговорной речи, безграничной вариативности языковых выражений, не прямых способов выражения смысла, “несерьёзных” способов реализации языковых действий (намёки, шутки, остроты, юмор, ложь, лесть, языковое манипулирование и т.п.). Данными вопросами занимается философия ценностных установок или другими словами прагматика [18,78].

2.3. Философия ценностных установок. Прагматический аспект языка

За последние годы XX столетия и в настоящее время на передний план выдвигается аналитическая философия, сделавшей своим главным объектом естественный (обыденный) язык. Язык создается и используется людьми не на бессознательном уровне, а в соответствии с их целенаправленной деятельностью, практикой. При этом человека интересует не просто истина (как в философии предложения), представляющая ему объект таким, каким он является безотносительно к целям человека, а значение объекта для человека. Человек вольно или невольно реализует ценностное отношение к миру. Это обстоятельство находит свое выражение в самом характере интерпретации. В этой связи за последние 3—4 десятка лет в философии языка резко возросло внимание к ценностным установкам личности, которые содержатся в высказываниях таких, как: знает, верит, помнит что, надеется, хочет и т. д. В данном примере «Я знаю, все еще будет» значительный интерес представляет выражение «я знаю». Утверждение «я знаю» не обосновано какими-то определенными фактами, которые бы подтверждали истинность выражение «все еще будет». Таким образом, выражение «я знаю» в данном утверждении рассматривается, как личная ценностная установка говорящего, согласно его суждениям. Поэтому, выражение «Я знаю», здесь, означает Я верю, я полагаю, я думаю, я надеюсь, я хочу.

Очень часто предложение является выражением ценностной установки личности, оно обладает особым *прагматическим* смыслом. *Прагматика* — это такая философия языка, которая изучает содержащиеся в высказываниях ценностные установки личности. Философию языка как ценностных установок можно назвать одним словом — прагматика [18,44]. Слово *прагматика* восходит к греч. πρᾶγμα, род. падеж πρᾶγματος «дело», т.е. и то, что сделано, и то, делается, и то, что нужно делать и πρᾶγματικόν ‘способный к делам, деловой, дельный’ [7,88].

На современном этапе одна из основных задач философов это определить, как можно сказать о ценностях, какая логика при этом используется, связаны ли между собой значение предложения и его прагматический, ценностный смысл, как на основе анализа предложений с прагматическим смыслом лучше понять сами эти смыслы и т.д.

Философия обыденного языка, по сути дела, как раз и смогла в значительной степени реализовать программу прагматики языка, подготовив необходимые условия для развития собственно лингвистической прагматики. Интерес по данному вопросу представляют идеи Л. Витгенштейна. Он пришёл к толкованию языкового значения как употребления. Значение как употребление принадлежит не столько языку, сколько субъекту, пользующемуся языком. Правда, такой подход вёл к прагматизации языкового значения в целом и по существу означал, что оно выводится за пределы лингвистической семантики и что семантика поневоле лишается своего объекта. Существенный вклад внесли представители Кембриджской и Оксфордской школ развивавшие лингвофилософскую семантику, которая, в свою очередь, открыла перспективу и прагматике. Питер Фредерик Стросон и Герберт Пол Грайс заложили основы анализа прагматического значения. Возникла проблема стыка (интерфейса) семантики и прагматики, которая активно обсуждается представителями многих направлений на протяжении большого ряда десятилетий. Ф. де Соссюр акцентировал внимание на лингвистике языка в узком смысле (la linguistique de la langue) и отвёл

лингвистике речи (*linguistique de la parole*) периферийное положение. Н. Хомский объявил единственным объектом лингвистической теории языковое знание (компетенцию, *competence*) абстрактного говорящего и вывел за пределы генеративной теории проблемы исполнения (*performance*). Структурализм и генеративизм оставляют вне внимания человека и факторы контекста, в котором человек осуществляет языковое общение. Абстрактный, идеальный говорящий должен был уступить своё место конкретному, реальному говорящему, осуществляющему свою деятельность общения каждый раз в новой обстановке, в новом коммуникативно-прагматическом пространстве. Прагматика берёт на вооружение не просто принцип Антропоцентризма, а принцип Эгоцентризма. вполне допустимо говорить об отношении взаимодополнительности между изучением того, как устроен человеческий язык, и изучением того, как он работает, выполняя задачи, возлагаемые на него людьми в актах их деятельности [48,38].

Лингвистическая прагматика, выдвинув в качестве объединяющего принцип употребления языка говорящими в коммуникативных ситуациях, охватила многие проблемы, имеющие длительную историю изучения в рамках риторики и стилистики, коммуникативного синтаксиса, теории речи и речевой деятельности, теории коммуникации и функциональных стилей, социолингвистики и психолингвистики, с которыми прагматика имеет обширные области пересечения исследовательских интересов.

Языковые аспекты прагматики многоплановы и разнообразны. Бар-Хиллелл, по данному вопросу отмечает, что следует осторожно рассматривать и прагматический аспект языка; это в особенности связано с нечеткостью очертания самого прагматического аспекта, сферы охвата прагматики, ее границ с семантикой, а не только содержания прагматики в узком смысле».

Такое понимание связано с тем, что прагматика, зародившаяся в недрах семиотики и изучающая отношения между знаком языка и носителем языка, частично соотносима с семантикой и частично вышла за пределы лингвистики, достигнув своего апогея в теории речевых актов Дж.Остина и

Дж.Серля. Вследствие этого термин «прагматика» по-разному трактуется в лингвистике.

Р.Н. Прохорова выделяет общую прагматику и ее частные направления. «Общая прагматика может быть определена как теоретическая дисциплина, компетенцией которой является разработка положений без учета определенной лингвистической системы. Общая прагматика может иметь пересечение с философией языка, общей теорией коммуникации, общим языкознанием, нейрофизиологией, психологией. Частные направления, представляя эмпирический материал для общей прагматики, и используя ее теоретические постулаты, включают в сферу своего исследования коммуникацию в условиях одной конкретной языковой системы. Особенность частных направлений прагматики заключается в теоретическом обобщении картины реальной коммуникации и выработке общих норм языкового общения с учетом лингвистических компонентов и всей совокупности прагматических факторов смыслового и фонового порядка» [6, с.20].

При широком понимании в ведение прагматики включают речевую деятельность в целом: между отдельными видами речевых актов устанавливается иерархия, а в рамках конкретного вида общения противопоставляются главные и второстепенные речевые акты, выявляется классификация речевых актов и их продуктов (соответствующих высказываний), а также возможности употребления суждений (пропозиций) в конкретных речевых контекстах. Такая «конверсационная прагматика» (прагматика разговора) опирается на общие принципы исследования человеческой деятельности.

Теория речевых актов направлена на то, чтобы реконструировать всеобщие структуры коммуникативного действия и вскрыть условия значимости речи, благодаря которым она может служить для координации социальных действий [62,9].

Эта теория выделяет в качестве основных единиц изучения не отдельные слова и выражения, а определенные речевые действия (иллокутивны́е акты), которые несут определенные коммуникативные задания. «Основное внимание уделяется структуре иллокутивных актов (т.е. речевых действий типа утверждений, спрашивания, отдачи приказов, описаний, объяснений, извинений, принесения благодарности, поздравления и т.д.) и их классификации. Эталоном стала следующая классификация Дж. Сёрла: а) асертивы (репрезентативы), сообщающие о положении дел и предполагающие истинностную оценку; б) директивы, побуждающие адресатов к определенным действиям; в) комиссивы, сообщающие о взятых на себя говорящим обязательствах; г) экспрессивы, выражающие определённую психическую позицию по отношению к какому-либо положению дел; д) декларативы, устанавливающие новое положение дел. Различаются прямые (первично перформативные) и непрямые (косвенные) речевые акты. Предметом описания становятся языковые средства, служащие выявлению иллокутивных целей и функций (глаголы, в особенности перформативные, выражающие речевые намерения при условии их употребления в 1-м лице настоящего времени изъявительного наклонения и т.д.; наречия, частицы, порядок слов, интонация), а также условия коммуникации. Анализируются условия успешной (удачной) реализации соответствующих иллокутивных актов (правила пропозиционального содержания, подготовительные, искренности, существенные) [7, с.223].

Выходом за рамки теории речевых актов является предельно широкое понимание термина «прагматика», при котором прагматику приравнивают к теории «семантического исполнения», вынося ее за пределы грамматики, т. е. собственно «владения языком». К прагматике относят не только правила ведения разговора (конверсационное знание), но и знание закономерностей внешнего мира вообще. Например, предложение «*Камень просвистел у Ивана над головой*» интерпретируется как сообщающее о полете камня, который, как и многие тяжелые предметы, может вызвать определенные

звуковые ощущения; возможность такой интерпретации связана с нашими знаниями, а их в указанном подходе прямо относят к прагматике. Это заставляет вынести прагматику за пределы языкового описания. Однако ученые (Е. И. Шендельс) предостерегают от углубления в психологию, социологию, этику, иначе наука лингвистика потеряет свои контуры и именно здесь следует соблюдать чувство меры и заниматься только такими внелингвистическими факторами, которые влияют на грамматику речи и находят в ней свое отражение.

Теория прагмалингвистики, находящаяся в стадии становления, характеризуется широким диапазоном проблематики, включающим в себя наряду с другими проблему выявления функциональных особенностей слова, способствующих достижению коммуникативного эффекта. С понятием прагматики связывают часто субъективное восприятие знака адресатом. Отмечается, что один и тот же знак может восприниматься адресатом по-разному в зависимости от ситуации и установки адресата.

По-видимому, не следует сводить прагматический аспект к психологии восприятия или прочтения знака. Для лингвистической прагматики гораздо полезнее интерпретировать отношение знака к тому, кто его создает и использует. Исследования прагматики знака - это, с одной стороны, лингвистическая интерпретация формирования объективных и субъективных компонентов значения языкового знака, с другой стороны, - использование языкового знака в коммуникативных целях.

При узком понимании прагматики наблюдается приписывание прагматических свойств языковым, в частности, грамматическим явлениям, а также отмечается, что прагматика имеет дело с языковыми значениями.

В такой концепции правила прагматики выглядят аналогично синтаксическим и позволяют извлекать из высказываний скрытые презумпции говорящего, общее для собеседников знание и т. п. Полный же набор прагматических правил моделирует употребление языка. По словам Ф. Кифера, «описание прагматики предваряется описанием семантики, а

поскольку описание семантики предваряется описанием синтаксиса, то и прагматика тем самым опирается на синтаксис» [8,33].

В лингвистике существует тенденция сближения семантики и прагматики в исследовательских направлениях, именующихся "прагмасемантикой" или "прагмалингвистикой". Это возможно на том основании, что отношение между языковым знаком и мыслительным образом устанавливается носителем языка, или речевым субъектом и прагматические компоненты сопутствуют семантическим компонентам на всех этапах формирования семантического потенциала языкового знака (И.П. Сусов).

Противопоставление прагматики и семантики зиждется на молчаливом признании того, что прагматика имеет несколько иную систему значений, чем семантика, но использует для выражения прагматических понятий формальный категориальный и номинативный аппарат языка.

В этом отношении можно выделить еще одно направление в прагматическом описании языка – направление, занимающееся изучением выражения прагматической информации в конкретных языковых примерах (средствах всех уровней языка).

Особое место в прагматической зоне слова занимает коннотация, то есть те ассоциации, которые носитель языка связывает с данным словом. Экспрессивность языковой единицы является результатом действия такого коннотативного значения. Коннотация дает читателю определенный оценочный образ описываемого предмета и тем самым способствует эффективной передаче оценки, даже без употребления специальных оценочных слов и выражений, значит, она воздействует на читательскую аудиторию.

Категория экспрессивность наряду с оценочностью, образностью и эмоциональностью рассматривается в связи с коннотативным значением. Слова, несущие такие значения, по мнению Н.Д. Арутюновой, составляют благодатный материал для обоснования прагматической концепции

значения. Будучи напрямую связаны с говорящим субъектом и отражая его вкусы и интересы, они в то же время регулярно употребляются в высказываниях, соответствующих ситуации выбора и побуждают к действию. Оценка тесно спаяна с коммуникативной целью речевого акта, программирующего действия. Эти компоненты, в свою очередь, создают экспрессивность, функция которой оказывать воздействие на реципиента.

Экспрессивность связывается нами с прагматическим значением, которое является вторичным по отношению к собственно семантической информации. «Прагматическое значение можно определить как то значение, которое представляет отношение между употреблением высказывания и его результатом» [9,205]. Оно «опосредовано отношением говорящего к денотату, оно представляет собой «рефлекс», отражение в знаке субъективной оценки и эмоционального переживания денотата» [10, 69], однако, не является полностью субъективным и сугубо индивидуальным, так как «основывается на инвариантном семантическом ядре, ибо интерпретатор – общественный субъект, его эмоции, оценки, стереотипы социально детерминированы и направлены» [11,137].

Указанные аспекты прагматики, на наш взгляд, объединяет Р.С. Столнейкер в высказывании: «Перед прагматикой встает два рода проблем: во-первых, определение интересных типов речевых актов и «продуктов» речи; во-вторых, описание признаков и свойств речевого контекста, влияющих на определение того, какая именно пропозиция выражается данным предложением» [12, 419]. Интегрированное понятие прагматики дает и Т.В. Романова: «Лингвистическая прагматика включает, по меньшей мере, два предмета: 1) исследование языковых средств и речи относительно выражения прагматических значений (субъективно-оценочных, эмотивных); 2) исследование языковых средств и речи относительно цели и результатов языковой коммуникации» [10,69].

Итак, для лингвистической прагматики важно интерпретировать отношение знака к тому, кто его создает и использует. Для того чтобы этот

процесс коммуникации был успешным, необходима четкая ориентация на конкретного адресата, на его возраст, положение в обществе, род занятий, на его знания о мире, взгляды, вкусы, чувства и желания; необходим учет и самой ситуации общения, которая включает и общественную, и социальную, и политическую, и экономическую жизнь в данный момент. Эта область прагматики предельно широка и для ее исследования необходим комплексный анализ исследуемых явлений (Шрейдер). Второй аспект прагматического изучения концентрируется на языковых средствах, способствующих передаче прагматической информации. Прагматическая информация в этом случае – это та информация, которая заложена в выразительных средствах языка, несущих помимо денотативного значения дополнительное, коннотативное, отсылающее нас к выражению языком оценки окружающего мира. В этом случае областью исследований служат компоненты коннотативного значения (Н.Д. Арутюнова).

Таким образом, широкое и узкое понимание прагматики мы сводим к двум областям прагматической лингвистики: к прагматике текста и прагматике языковых ресурсов.

Подводя итог, отметим, что прагматика зародилась в недрах философии и лингвистики. Основы философии в данной дисциплине заключаются в рассмотрении соотношения знака с его референтом, основные коммуникативные функции высказываний и их воздействие на адресата.

ВЫВОДЫ К II ГЛАВЕ

В данной главе были рассмотрены и раскрыты вопросы внутренней лингвофилософии и особенности философии элементов аналитизма внутреннего строя и содержания языка. Определенно, что задачи самой лингвистики заключаются в исследовании языкового материала, т. е. букв, морфем, слов, предложений и т. д. Основные задачи философии в лингвистике заключаются в анализе структуры и содержания языкового

материала, способов употребления языковых единиц, их понятия, и функции. Таким образом, можно выделить основные объекты исследования лингвофилософии: слово, предложение (высказывание), речевые акты.

Стратегической целью философии предложения является достижение максимальной ясности в понимании языка. Язык должен быть ясным, как условие математической задачи. Философия предложения — это важнейший этап в развитии философии языка, для которого характерен обостренный интерес к семантике и синтаксису. Философия предложения дополняет философию имени. В исследовании философии предложения наибольший интерес представляет понятие глубинной структуры предложения. Глубинные структуры порождаются базовыми правилами синтаксического компонента. Их роль состоит в том, что в совокупности они задают те термины, с помощью которых могут быть определены грамматические отношения для данного языка. А эти отношения существенны в силу своей важной роли для семантической интерпретации предложений. Однако, если не касаться словаря, грамматика пока не дает нам такой информации о важности этих грамматических отношений, которая была бы независимой от их определения в терминах грамматических категорий. Здесь можно подчеркнуть о существенной роли семантики. В этой сфере задачи заключаются как можно сказать о ценностях, какая логика при этом используется, связаны ли между собой значение предложения и его прагматический, ценностный смысл, как на основе анализа предложений с прагматическим смыслом лучше понять сами эти смыслы и т.д.

ГЛАВА III.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

3.1. Языковая личность и общество. Понятие социолингвистики

Членение лингвистики на внутреннюю и внешнюю было осуществлено впервые крупнейшим швейцарским языковедом Фердинандом де Соссюром (1857— 1913) в его знаменитом «Курсе общей лингвистики» (1916). Это членение предполагает различные точки зрения на изучение языковых

явлений. Внутренняя лингвистика исследует язык как таковой. Она абстрагируется от неязыковых объектов. Внешняя лингвистика, напротив, изучает язык в одном ряду с теми или иными неязыковыми явлениями. В ее задачу входит исследование таких свойств языка, которые имеются и у других объектов.

Социолингвистика как особая дисциплина возникла на стыке языковедения, социологии, социальной психологии, этнографии и представляет собой реализацию на современном этапе исследовательских принципов социологического направления в языкознании, которые были разработаны в первой половине 20 в. А. Мейе, Е.Д. Поливановым, Л.П. Якубинским, В.В. Виноградовым, Б.А. Лариным, Виктором Максимовичем Жирмунским, Р.О. Шор, Максимом Владимировичем Сергиевским, Николаем Сергеевичем Чемодановым, Миррой Моисеевной Гухман, В. Матезиусом, Б. Гавранеком, Й. Вахеком, Теодором Фрингсом и созданной им в Лайпциге диалектологической школой, Ф. Боасом, Э. Сепиром, Б.Л. Уорфом и другими представителями антропологической лингвистики, японской школой "языкового существования". Её возникновение было реакцией на имманентные по своему характеру структурализм и генеративизм. Ей присуще стремление удовлетворить возросший в европейском и американском обществе 60-70-х гг. в связи с обострением социальных отношений интерес к социологии языка, а также обращение к актуальным проблемам языковой политики и языкового планирования во многих государствах Азии, Африки, Центральной и Южной Америки [12,45].

Многие исследуемые проблемы равно относятся к ведению и общего языкознания, и социолингвистики: социальная природа языка, его общественные функции, характер воздействия социальных факторов на язык, роль языка в жизни общества.

В социолингвистике выделяются три течения: а) течение, ориентированное преимущественно на социологию (нормы языкового употребления с учётом факторов времени, цели, выбора языка или варианта

языка, адресата; взаимоотношения языкового употребления и языковых установок, с одной стороны, и более крупных или более мелких социальных сетей, с другой стороны; проблемы диглоссии и теории кодов в связи с комплексом явлений, образуемых взаимодействующими социальной экономией, историей, этнической дифференциацией, культурой, социальным расслоением и вариантами языка); б) течение, ориентированное преимущественно на лингвистику (принципиальная неоднородность языковых систем, обнаруживаемая при учёте социологических параметров; установление на основе вероятностного анализа определённых социально детерминированных языковых правил, являющихся результатом влияния различных языковых и внеязыковых переменных - социальный слой, возраст и т.п.; возможность использовать данные таких исследований в русле вариационной лингвистики для разработки теории языковых изменений; установление релевантности социальных условий для процессов языковой эволюции; подтверждение того, что синхронически данные вариационные структуры являются лишь "моментальным снимком" диахронических изменений); в) течение, ориентированное на этнометодологию и этнографию (языковое взаимодействие как центральное понятие; исследование способов, с помощью которых члены общества производят социальную действительность и репрезентируют её в упорядоченном и регулярном виде друг другу; проводимое при этом разграничение между разговорным анализом формальным, имеющим дело с аспектами организации разговора, и этнографическим, исследующим интерактивные процессы порождения значения и его понимания с опорой на приёмы контекстуализации) [33,67]

Междисциплинарный статус социолингвистики выражается в её понятийном аппарате: определение языкового коллектива на основе и социальных, и языковых признаков (наличие социального взаимодействия и общность языка); определение социолингвистических переменных на основе соотнесённости с тем или иным уровнем языковой системы и с

варьированием социальной структуры общества или с определёнными социальными ситуациями.

В центр внимания выдвигается проблема социальной дифференциации языка, многомерной по своей структуре и включающей как стратификационную дифференциацию (разнородность социальных слоёв в обществе) и ситуативную дифференциацию (многообразие социальных ситуаций). Вместе с тем изучаются проблемы образования национальных языков, взаимодействия языка и культуры.

Весьма существенно понятие языковой ситуации как совокупности разных языков или относящихся к одному языку разных форм его существования - литературного языка, просторечия, региональных койне, территориальных и социальных диалектов, функционирующих в определённой этнической общности или государственном образовании. Различаются языковые ситуации экзогlossные (употребление разных языков) и эндогlossные (употребление разных вариантов одного языка), сбалансированные (при одинаковом функциональном весе разных языков или разных вариантов одного языка) и несбалансированные (неодинаковое распределение функций между разными языками или разными вариантами одного языка) [11,78]. Особое внимание уделяется исследованию процессов контактирования языков при контактировании разных культур, обусловленных этим лексическими заимствованиями. Изучаются социальные аспекты билингвизма (двухязычия) и диглоссии (способности к использованию разных вариантов одного языка) при сосуществовании и использовании разных языков или разных вариантов одного языка в данном этнокультурном коллективе с учётом определённой коммуникативной сферы, социальной ситуации и т.п. Уделяется внимание проблеме выбора оптимальных вариантов для построения социально корректного высказывания; выявляются социальные нормы речевого поведения.

3.2. О соотношениях языка, этноса и культуры. Представление о языковой картине мира

Как известно, творит культуру и живет в ней человек, личность. Именно в личности на передний план выходит социальная природа человека, а сам человек выступает как субъект социокультурной жизни.

Есть и иные концепции личности. Так, известный американский психолог А. Маслоу видит человека как **бытие внутренней природы**, которая почти независима от внешнего мира и которая есть исходная предпосылка всякой психологии, а жизнь в согласии с внутренней природой рассматривается как причина психического здоровья. Становление личности, с точки зрения А. Маслоу, - это движение к идеалу, в качестве которого выступает личность, всесторонне реализовавшая себя. Он пишет: «Человеческому существу, чтобы жить... необходимы система координат, философия жизни, религия (или заменитель религии), причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь»[56,6].

Личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа, этноса (Пископпель, 1997), ибо для рождения человека в человеке необходим культурно-антропологический прототип, который формируется в рамках культуры.

Категории культуры - это пространство, время, судьба, право, богатство, труд, совесть, смерть и т. д. Они отражают специфику существующей системы ценностей и задают образцы социального поведения и восприятия мира. Это своеобразная система координат, которая формирует языковую личность.

Первое обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого И. Вейсгербера. В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В.В.Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности - личность автора и личность персонажа. О говорящей личности писал А. А. Леонтьев. Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г. И. Богин, он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи». Ввел же это понятие в

широкий научный обиход Ю. Н. Караулов, который считает, что языковая личность - это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью»[44,51].

Ю. Н. Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст (Караулов, 1987). Языковая личность, по его мнению, имеет три структурных уровня. Первый уровень - **вербально-семантический** (семантико-строевой, инвариантный), отражающий степень владения обыденным языком. Второй уровень - **когнитивный**, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры. И третий - высший уровень - **прагматический**. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Следовательно, кодирование и декодирование информации происходит при взаимодействии трех уровней «коммуникативного пространства личности» - вербально-семантического, когнитивного и прагматического.

Концепция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом коррелирует с тремя типами коммуникативных потребностей - контактоустанавливающей, информационной и воздействующей, а также с тремя сторонами процесса общения - коммуникативной, интерактивной и перцептивной.

Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность - это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая

личность - это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения [7,90].

В содержание языковой личности обычно включаются такие компоненты:

1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;

2) культурологический компонент, т. е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) личностный компонент, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Параметры языковой личности только начинают разрабатываться. Она характеризуется определенным запасом слов, имеющих тот или иной ранг частотности употребления, которые заполняют абстрактные синтаксические модели. Если модели достаточно типичны для представителя данного языкового коллектива, то лексикон и манера говорения могут указывать на его принадлежность к определенному социуму, свидетельствовать об уровне образованности, типе характера, указывать на пол и возраст и т.д. Языковой репертуар такой личности, деятельность которой связана с выполнением десятка социальных ролей, должен быть усвоен с учетом речевого этикета, принятого в социуме [50,13].

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов.

Культурные ценности представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы. Они находят отражение в языке, точнее, в значениях слов и синтаксических единиц, во фразеологизмах, в паремиологическом фонде и прецедентных текстах (по Ю. Н. Караулову). Например, во всех культурах осуждаются такие человеческие пороки, как жадность, трусость, неуважение к старшим, лень и др., но в каждой культуре эти пороки имеют разную комбинаторику признаков.

Для каждой культуры можно разработать параметры, которые будут своеобразными ее координатами. Такие параметры будут считаться исходными ценностными признаками.

На сегодняшний день известны различные подходы к изучению языковой личности, определяющие статус ее существования в лингвистике: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В. П. Нерознак), этносемантическая личность (С. Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О.Б.Сиротинина, Т. В.Кочеткова), семиологическая личность (А. Г. Баранов), русская языковая личность (Ю. Н. Караулов), языковая и речевая личность (Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т. Н. Снитко), словарная языковая личность (В. И. Карасик), эмоциональная языковая личность (В. И. Шаховский) и т.д.

Есть и другие концепции языковой личности. Так, В. В. Красных выделяет в ней следующие компоненты: 1) человек говорящий - личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; 2) собственно языковая личность - личность, проявляющая себя в речевой

деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений; 3) речевая личность - это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; 4) коммуникативная личность - конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.

Итак, языковая личность - социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей - из индивидуальных языковых особенностей [49,20].

Уже не одно столетие проблема соотношения языка и культуры занимает умы многих известных ученых, но по сегодняшний день этот вопрос остается дискуссионным: одни полагают, что язык относится к культуре как часть к целому, другие - что язык лишь форма выражения культуры, третьи - что язык не является ни формой, ни элементом культуры. В качестве примера можно привести слова двух крупнейших ученых, основателей американской и русской школ этнолингвистики. Так, по мнению Э. Сепира, "культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, язык же есть то, как думает" [10,193]. "Отношения между культурой и языком, - пишет Н. И. Толстой, - могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в

сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом" [14, 16].

Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса есть междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук -- от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии. Например, вопросы этнического языкового мышления -- это прерогатива лингвистической философии; специфику этнического, социального или группового общения в языковом аспекте изучает психоллингвистика и т.д.

Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.

На основе этой идеи возникла новая наука -- лингвокультурология, которую можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е годы XX в. Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н.Телия, работами Ю.С.Степанова, А.Д.Арутюновой, В.В.Воробьева, В.Шак-леина, В. А. Масловой и других исследователей. Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Если традиционный способ осмысления проблемы взаимодействия языка и культуры заключается в попытке решить лингвистические задачи, используя некоторые представления о культуре, то в нашей работе изучаются способы, с помощью которых язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру [38,77].

Лингвокультурология -- это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа,

которые отразились и закрепились в языке. С ней тесно связана этнолингвистика и социоллингвистика, причем настолько тесно, что это позволяет В.Н.Телия считать лингвокультурологию разделом этнолингвистики. Но тем не менее это принципиально разные науки.

Говоря об этнолингвистическом направлении, следует помнить, что корни его в Европе идут от В.Гумбольдта, в Америке - от Ф.Боаса, Э.Сепира, Б.Уорфа; в России огромное значение имели работы Д.К.Зеленина, Е.Ф.Карского, А.А.Шахматова, А.А.Потебни, А.Н.Афанасьева, А.И.Соболевского и других.

Именно этнолингвистикой В.А.Звегинцев охарактеризовал как направление, сосредоточивающее свое внимание на изучении связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации в целом. Этнос -- языковая, традиционно-культурная общность людей, связанных общностью представлений о своем происхождении и исторической судьбе, общностью языка, особенностей культуры и психики, самосознанием группового единства. Этническое самосознание - осознание членами этноса своего группового единства и отличия от других аналогичных формирований.

В центре современной этнолингвистики находятся лишь те элементы лексической системы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами. Например, этнолингвисты выявляют полный инвентарь форм культуры, обрядов, ритуалов на материале Белорусского и Украинского Полесья. Эту территорию можно считать одним из тех «узловых» славянских регионов, по отношению к которым в первую очередь следует ставить задачу комплексного изучения славянских древностей» (Н.И. и С.М.Толстые).

В рамках этого направления можно выделить две самостоятельные ветви, которые обозначились вокруг двух важнейших проблем: 1) реконструкция этнической территории по языку (прежде всего сюда относятся работы Р.А.Агеевой, С.Б.Бернштейна, В.В.Иванова, Т. В.

Гамкрелидзе и др.); 2) реконструкция материальной и духовной культуры этноса по данным языка (работы В. В. Иванова, В.Н.Топорова, Т.В.Цивьян, Т.М.Судника, Н.И.Толстого и его школы).

Так, В.В.Иванов и Т.В.Гамкрелидзе соотносят лингвистическую систему с определенной археологической культурой. Семантический анализ реконструируемых слов и их соотнесение с денотатами (объектами внеязыковой действительности, которые имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок) позволяют установить культурно-экологические и историко-географические характеристики этих денотатов. Реконструкция славянской, как и любой другой культуры в ее наиболее древнем виде, основана на взаимодействии языкознания, этнографии, фольклористики, археологии, культурологии.

Теснейшим образом с лингвокультурологией связана этнопсихолингвистика, которая устанавливает, как в речевой деятельности проявляются элементы поведения, связанные с определенной традицией, анализирует различия в вербальном и невербальном поведении носителей различных языков, исследует речевой этикет и «цветовую картину мира», лакуны в тексте в ходе межкультурного общения, изучает двуязычие и многоязычие как особенность речевого поведения различных народов и т.д.

В самом широком своем понимании картина мира представляет собой «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [30,51]. Иными словами, картина мира – это «отражение» мира в сознании человека через призму его индивидуальности, складывающейся под влиянием особенностей нации и страны, в которых он родился, особенностей, присущих ему как участнику определенной профессиональной, гендерной, возрастной и проч. групп, а также особенностей его частной жизни, его уникальных отличительных черт.

Картина мира бывает непосредственной и опосредованной. Непосредственная, она же когнитивная, картина мира – и есть тот образ

мира, который отражается в индивидуальном сознании каждой отдельной личности. Непосредственной она называется потому, что для своего создания и функционирования она не требует никаких «посредников», существует в сознании как бы «автономно» и «по умолчанию».

Опосредованными картинами мира называют языковую и художественную – они используют язык в качестве посредника, творящего саму картину мира. Причем художественная картина мира опосредуется дважды – через язык и через индивидуальную картину автора художественного произведения.

В настоящий момент среди ученых не существует единого мнения относительно того, кто впервые ввел в научный оборот термин «картина мира». Одним из первых в конце XIX в. его употребил австрийский философ и логик Людвиг Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате». В антропологии и семиотике этот термин стал использоваться благодаря трудам немецкого филолога Лео Вайсгербера. Именно Вайсгербер впервые отметил важную роль языка в формировании картины мира. Он писал: «В языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка» [7, 250].

А.Я. Гуревич в своем исследовании средневековой картины мира приходит к выводу, что картина мира – это понятие исторически обусловленное. Он подчеркивает, что каждой исторической эпохе соответствуют свои способы и формы переживания мира [Гуревич 1984: 7]. Согласно таким соображениям, можно проследить следующую хронологию трансформаций картины мира: (1) мифологическая, (2) ренессансная, (3) рационалистическая картина мира. Среди свойств мифологической картины мира можно отметить, что она:

- символично описывает мир посредством рассказа о происхождении различных элементов мироустройства,
- концентрируется на мистических причинах того или иного явления,

- имеет тенденцию «очеловечивать» окружающую природу,
- не разграничивает естественное и сверхъестественное,
- соединяет в себе образы языческого и средневекового сознания,
- строится на противопоставлении мифологем контраста (напр., жизнь – смерть, добро – зло, тепло - холод),
- уделяет большое значение мифологеме судьбы, или Фортуны [19,80].

По мнению Л. К. Байрамовой, трансформация мифологической картины мира в ренессансную произошла благодаря все большему распространению христианства и, в частности, проникновению символа креста в мировую культуру. Сходство формы креста с распростертой фигурой человека Байрамова относит к признакам антропоморфизации картины мира. «Позднее антропоморфизация картины мира вышла на новый этап, и тело человека стали связывать с микрокосмом или «малой вселенной». Это и явилось поворотным пунктом преобразования мифологической картины мира в ренессансную, в фокусе которой оказался человек, наделенный земными чертами» [19,81].

Значимости языка в формировании сознания говорит и Т. В. Науменко в своей работе «Социология массовой коммуникации». Язык как средство воздействия на аудиторию играет первостепенную роль в достижении максимальной эффективности сообщаемой информации: «Одну из главных ролей в эффективном воздействии массовой информации на аудиторию играет общий язык. Информационное сообщение должно быть построено с учетом того языкового уровня, которым владеет аудитория, на которую рассчитано сообщение. В противном случае информация не будет воспринята, декодируема должным образом» [5,168].

Язык творит языковую картину мира. Здесь следует особо подчеркнуть тот факт, что языковая картина мира является несколько уже, чем национальная или индивидуальная модели мира. «Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все» [35, 55].

Языковую, или наивную, картину часто противопоставляют научной. Как утверждает Е. В. Урысон, различие между этими двумя способами видения мира «особенно ярко проявляется при анализе тех слов естественного языка, которые используются в качестве научных терминов; ср. звезда, вода, свет, тепло, горение, высота, точка, линия и т.п. Значение научного термина развилось, «выросло» из значения обычного слова, однако термин определяется в системе научных понятий, а она бывает весьма далека от системы лексических значений, закрепленных в естественном языке. Ср. ставший хрестоматийным пример Л. В. Щербы: “Прямая (линия) определяется в геометрии как «кратчайшее расстояние между двумя точками». Но в литературном языке это, очевидно, не так. Прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз) [43,11].

Урысон добавляет, что языковую картину мира принято считать отражением наших бытовых представлений о мире. «Заметим, что на аналогичном предположении основана и гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, в соответствии с которой наши обычные представления формируются языковой картиной мира. Иными словами, считается, что язык отражает наши самые обычные, житейские представления о том или ином объекте (ситуации)».

Итак, из всего вышесказанного можно заключить, что язык занимает особое место в структуре человеческого сознания: он и влияет на наше восприятие окружающего нас мира, невольно навязывая нам определенное видение событий, явлений и ситуаций, и одновременно с этим описывает наши впечатления, т.е. используется нами как инструмент, орудие. Таким особым положением языка определяется и особое место языковой картины мира в структуре картин мира вообще: языковая картина мира является и средством формирования других картин мира, и их результатом.

З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают считать языковую картину мира «совокупностью зафиксированных в единицах языка представлений

народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [19,54].

Изложенное определение представляется в некоторой степени некорректным, возникает справедливый вопрос: а где же личность? Ведь ЯКМ – явление уникальное для каждой личности, об этом уже говорилось выше. Несомненно, язык – предмет, объединяющий разных людей в одну нацию. Но ведь использование языка индивидуально для каждого человека. Задумайтесь только: кто-то разговорчив, кто-то молчалив; кто-то употребляет в речи много уменьшительно-ласкательных суффиксов, а кто-то «сорит» бранной лексикой; кто-то строит длинные, сложные предложения, а кто-то предпочитает излагать свои мысли коротко и сухо.

К тому же, не следует забывать, что любой язык находится в тесной взаимосвязи, в отношениях взаимозависимости с культурой, к которой принадлежит его носитель. Именно совокупность «информации о мире», зафиксированная в системных значениях языка, и культурные, национально-специфичные особенности индивида учтены в определении «лингвокультурной идентичности» Н. Ф. Германа: «идентичность, которая устанавливается на основании распознавания и использования субъектом познания и коммуникации моделей дискурсивных событий, признанных в культуре и усвоенных субъектом в процессе социализации» [9,65]. Под «дискурсивным событием» Н. Ф. Герман, соглашаясь с определением, предложенным Л. В. Цуриковой, понимает «совокупность коммуникативно-значимых прагматически когерентных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели» [9,64]. Иными словами, лингвокультурная идентичность субъекта коммуникации предполагает такое осознание человеком своего «Я», которое программируется определенным речевым поведением, принятым в его культуре.

Усматривается синонимичность между понятиями «языковая картина мира», «лингвокультурная идентичность», а также «ментальность» в определении В. В. Колесова: «Ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [46, 11]. Все указанные понятия, с точки зрения автора, дополняют языковую картину мира, фокусируют внимание на ранее игнорируемых аспектах и свойствах языковой картины мира.

Таким образом, можно выделить следующие свойства языковой картины мира:

1. ЯКМ содержит общие черты для всех носителей одного и того же языка,
2. проявляет в себе типические черты национального видения и членения мира,
3. формируется в процессе познания, социализации и коммуникации,
4. в то же время ЯКМ уникальна для каждой отдельной личности, зависит от индивидуальных особенностей человека и служит основой его идентичности.

Итак, ЯКМ складывается в процессе познания, социализации, т.е. приобщения человека к определенному социальному объединению, и коммуникации. Однако, какова роль самого языка? Ведь речь идет именно о языковой картине мира. Действительно, какое значение в образовании ЯКМ имеет сам строй языка? Вспомните, в мире популярен стереотип о том, что русский язык очень сложный (в лингвистическом сообществе по сложности его размещают на втором месте после китайского языка), и поэтому русские люди очень умные (раз они могут освоить и употреблять такой сложный язык). Немецкий язык очень стройный, четкий, схематичный – не это ли основополагающая причина немецкой дисциплинированности? Что первично? Особенности ли языка отражаются в национальном поведении? Или же специфические национальные черты определяют «характер» языка?

В культурно-историческом аспекте язык обладает двойной функцией: "Как выражение он участвует в эстетических достижениях, а как инструмент -- во всех прочих духовных достижениях. Как выражение он пролагает дорогу всем предчувствиям, желаниям и наклонностям духа. Как инструмент он несет за духом весь опыт и достижения. Из предшественника и последователя язык превращается в пионера и хранителя, который как таковой не существует ни до, ни после духа, а постоянно при нем, в нем, идентичен с ним" [35,94]. Свой метод в эстетике он называет теперь динамически ориентированным рассмотрением предметов (*dynamischeingestellteAnschauungderDinge*) [35, 43].

3.3 Понятие «национального языка»

Социально-историческая категория, которая обозначает язык, являющийся средством общения нации и выступающий в двух формах: устной и письменной. Н. я. формируется вместе с образованием нации, являясь одновременно предпосылкой и условием её возникновения и существования, с одной стороны, и результатом, продуктом этого процесса — с другой.

Н. я. с точки зрения внутренней структуры является наследником языка народности. Отдельный язык, изменяясь во времени, всё же остается данным языком, коль скоро он не теряет своей конкретной сущности, что позволяет ему сохранить важное свойство передачи от поколения к поколению культурно-исторических и иных традиций.

Понимание изменяющегося языка (возникновение Н. я. из языка народности) как одного и того же «предмета» принадлежит общефилософской проблеме изменчивости и устойчивости. Процесс изменения не существует без своей противоположности — относительной устойчивости, сохранения изменяющегося предмета. Н. я. не только теряет некоторые элементы различных уровней языка (лексика, фонетика, морфология, синтаксис) и не только приобретает какие-то новые черты, но и

сохраняет важные характеристики прежнего состояния и продолжает поэтому сохранять свою относительную устойчивость.

Понятие «Н. я.» относится к формам существования языка и является собой некий тип бытия языка, противопоставляемый другому или другим типам существования (язык рода, племени, народности), а также другим национальным языкам (испанский в отличие от каталанского, русский в отличие от украинского и др.)[53,88].

Жизнь языка проявляется не только в индивидуальных актах говорения, но и в общественно-типизированных формах его использования. Язык, развиваясь по своим внутренним законам, постоянно приспосабливается к общественному устройству, и функции его социально обусловлены. Возможность такого приспособления порождена социальной сущностью языка.

Обладая развитой функциональной системой (функциональные стили, социальные диалекты), Н. я. позволяет избирательно вовлекать в сообщение те её компоненты, которые обеспечивают сфокусированный полезный результат для оптимального решения коммуникативных задач в социуме.

С образованием Н. я. связывают высший этап в развитии функциональных систем языка. Понятие высшего этапа определяется не всем национальным языком, а главным образом одной его ипостасью — национальным литературным языком. Развитая дифференциация литературного языка соотнесена со всеми сферами человеческой деятельности, что обеспечивает все основные типы общественной информации. Эта приоритетная роль литературного языка, видимо, и дала повод некоторым лингвистам ставить знак равенства между литературным языком и национальным языком. Другая точка зрения состоит в том, что все иные виды дифференциации (территориальные и социальные диалекты, просторечие и даже жаргоны) также принадлежат национальному языку, входят в его состав. Не будучи столь развитыми в функциональном плане, эти разновидности языка находятся в дополнительной дистрибуции по

отношению к функционально-стилистической системе литературного языка и служат материалом для пополнения, обработки и развития литературного языка. Своеобразный переплав этих элементов можно видеть в языке художественной литературы, притом что основные эстетические и идейно-содержательные задачи решаются средствами литературно обработанного языка [54,21].

Приобщение национального коллектива к общечеловеческому опыту происходит в исторически конкретных языковых формах, и на этом пути приобщения проявляется частный национальный лингвистический опыт, который в силу конкретных условий возникновения и развития может определённым образом расширяться в некоторых своих частях и вследствие этого иметь разный объём в разных Н. я. Психофизиологическая языковая основа освоения знаний сразу проявляется как национальная.

Состояние языка, обозначаемое понятием «Н. я.», определяется конкретным составом компонентов: единая форма литературного языка (ср. русский, французский языки) или вариантная (ср. две формы литературного языка в албанском, в норвежском языках), наличие того или иного количества диалектов, наречий или говоров, наличие переходных форм речи (полудиалекты, койне и т. д.).

Функциональная и структурная неподготовленность языка народности была (помимо других, социально-исторических причин), очевидно, одной из причин употребления в качестве письменно-литературного языка не своего, а чужого: у романских, западнославянских и германских народов — латинского, у южных и восточных славян — старославянского, у иранцев и тюрков — классического арабского, у японцев и корейцев — классического китайского.

Защита формировавшихся национальных языков от влияния «чужих» литературных языков (от латинского, арабского и т. д.) всегда приобретала характер «борьбы за функции». История формирования каждого Н. я. индивидуальна и неповторима, но может быть сведена к нескольким типам и

подтипам. Н. я. возникают: на базе одного более или менее гомогенного диалекта; на основе концентрации диалектов; путём смены диалектов и параллельной их концентрации.

Поскольку состояния языка рассматриваются в социолингвистике с точки зрения его бытования в определённом социуме (человеческая общность разного типа), то и сами типы состояний оказываются производными от типов социумов: социуму, носящему название «племя», соответствует идиом, характеризующийся состоянием «язык племени»; если в качестве социума рассматривается некоторая территориально ограниченная единица, в пределах которой употребляется данный идиом, то его состоянию соответствует идиом, который называют диалектом или говором. Н. я. есть такой идиом, который обслуживает социум, имеющий существенные признаки нации (общность территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры). Если типы состояний языка как элементов внешней системы изоморфны типам социумов, то сопряжённость идиома как семиологического объекта с социумом лишена характера изоморфности.

Наиболее типичной формулой сопряженности языка с обществом, структурой является формула «один идиом (язык) — один социум». Для Н. я. часто, но далеко не всегда характерным социумом является государство (исландский язык в Исландии, итальянский язык в Италии и т. д.).

Достаточно распространённой в современном мире можно считать формулу «один идиом (язык) — разные социумы». Если под социумом понимать и государство, то речь идет о том, что один и тот же идиом (язык) обслуживает разные национальные государства. Реально единый язык бытует в различных национальных государствах в виде его вариантов, т. е. особых социолингвистических объектов, которые можно назвать национальными вариантами единого языка (в Англии бытует британский вариант английского языка, в США — американский вариант английского языка, в Португалии — лузитанский вариант португальского языка, в Бразилии —

бразильский вариант португальского языка, наряду с пиренейским испанским существуют два десятка латиноамериканских национальных вариантов и т. д.)[43,77].

Стремление народа, составляющего национальный социум, обладать собственным Н. я., отличным от языка других наций, относится к сфере чувств и пристрастий, которые, хотя и вызываются объективными причинами культурно-исторического, политического, психологического, социального характера, часто несут на себе отпечаток субъективных ценностных ориентации, нередко противоречащих реально сложившимся языковым ситуациям. Осознание Н. я. как собственного, независимо от того, является ли тот же самый язык собственностью других наций, должно основываться на понимании возможности самостоятельного и независимого развития собственного Н. я., хотя бы он и относился к языку другой нации, как одна разновидность (вариант) единого языка относится к другой его разновидности (варианту). Это отношение должно рассматриваться как паритетное и в социальном, и в политическом, и в лингвистическом аспектах.

Встречаются случаи, когда варианты единого языка не разведены по разным социумам, а сосуществуют в одной лингвистической ситуации в одном социуме (формула «региональные варианты национального или литературного языка — один социум», например, в Швейцарии, где существует 6 вариантов национального ретороманского языка, в Албании, Норвегии, где известно по два литературных варианта). Наконец, для многонационального государства характерна формула «разные идиомы (языки) — один социум» (например, в Испании: испанский, каталанский, галисийский, баскский, в Швейцарии: немецкий, французский, итальянский, ретороманский и т. д.). В многонациональных государствах в ранг государственного или официального языка может возводиться один язык, при этом остальные не имеют этого статуса (например, в Малайзии), или равным статусом наделяются два и более Н. я. (например, в Швейцарии). Юридическое равноправие языков может сочетаться с фактическим

преобладанием одного из них, например в Канаде английский язык по сравнению с французским языком.

В национальных языках даже деловые обстоятельства приобретают индивидуальный и персональный эмоциональный тон. При этом следует настоятельно подчеркнуть ту предпосылку, что национальные и отраслевые языки никогда не сосуществуют отдельно как чистые культуры, но всегда в связи и в многообразнейших смешениях друг с другом. Отраслевой язык как таковой мог бы создать свой собственный словарь и в случае нужды - собственную грамматику, но не собственный акцент" [3,4]. Влияние национальных языков на отраслевые языки выражается, в частности, в появлении технических и терминологических антропоморфизмов, придающих отраслевым "языкам" нечто вроде целенаправленного, прикладного мирозерцания (*Zweckgesinnung*) [38, 6]. Выражение какого-либо понятия в конкретном языке, по мысли Фосслера, происходит "несобственным образом", через выражение сопровождавших созидание этого понятия чувств, интересов, желаний, надежд, опасений и пр., в результате чего "язык науки, каким бы строго вышколенным в логическом, терминологическом, грамматическом, логицистском, математическом отношениях и каким бы смиренным в эмоциональном аспекте он ни был, дарует нам, вместо света, очки, подзорную трубу и увеличительные стекла, с которыми большинство людей не умеет обращаться". [38,7] Фосслер полагает, что подобное обстоятельство не только неизбежно, но и весьма желательно, так что, к примеру, интерес исторического исследования требует, чтобы каждый народ сообщал о своем прошлом себе и нам на своем собственном языке [38, 7]. Поэтому и языку науки он придает "диалектно-диалектический" характер в том смысле, что "в царстве познания и истины всякое понятие желает обрести собственный диалект..., т.е. каждое желает так долго и интенсивно обкатываться в речи и отражаться по возможности во всех языках, пока оно не найдет успокоения в такой форме, которая не нуждается более в переводе" [38, 8].

Однако в социологическом отношении язык не является для Фосслера автономным феноменом, это всего лишь "персональный стиль", мощи которого недостаточно для создания связанного общим интересом человеческого сообщества. В языке непосредственно действует мирозерцание, но это мирозерцание поэтическое, и именно на его "скале или песке" построено всякое языковое сообщество. [38, 16] Рассуждения Фосслера вызывают удивление, когда он заявляет: "Национальное ощущение стиля немцев слабовато, и с этой точки зрения, перспективы существования нашего языкового сообщества весьма печальны. Но судьба немецкого народа, его борьба, его крах, его страдания обладают собственной поэзией, которая вероятно может восприниматься богаче и глубже и созидаться полнее, чем, если бы мы победили и торжествовали". [38, 17] Эстетический смысл языкового сообщества подчеркивается тем, что его основа -- поэтическое ощущение -- связывается Фосслером не с лексикой и грамматикой языка, а с произношением, мелодикой, ударением и особенно ощущается в диалектных "акцентных сообществах". [38, 17]

Одной из наиболее важных работ Фосслера того времени стала книга "Дух и культура в языке" (1925). В этой работе предложена в целостном виде философская концепция Фосслера, в которой совместились постгегельянская эстетика, французская социология и неокантианское науковедение, взгляды Б.Кроче и немецких философов XVIII--XIX вв. Фосслер заявляет в этой связи, что Гердер, Гумбольдт, Гримм, Бопп и другие "научили нас, что существует лишь один язык - язык вообще, и что национальные языки суть лишь вариации, лишь инструментовки этого единства". [41, 145] По крайней мере, "только тогда стало ясно, как всякий народ в своем языке ткет себе особое "мировоззрение" (или лучше сказать, возможности видеть мир, и как со своим языком и посредством своего языка нации сохраняют свои духовные особенности в живом родстве и взаимодействии, и как в лоне языков покоится своего рода предопределение, тихое указание и мягкое побуждение к тому или иному образу мышления". [41, 145].

Между инструментовками единого языка существуют, конечно же, различия в выражении тех или иных феноменов, однако Фосслер не согласен с тем, что все эти различия исторически обусловлены, поскольку в конечном итоге они связаны с тем видом умонастроения (*Gem"ut*), которое господствует в данном языковом сообществе, с "национальным характером": "На самом деле, речь идет не о естественных и даже не об исторических каузальных взаимосвязях, а о феноменологических отношениях" [41, 128]. Обратим внимание на то, как Фосслер отказывается от каузальности в статусе основной объяснительной категории своего учения. Выделяемые им "феноменологические отношения" носят исключительно коммуникативный характер, так что "французский язык, то есть созданная французами инструментовка языкового мышления, - это не результат, не опосредованное каким-то образом следствие их умонастроения или их национального характера", и "французы говорят по-французски не потому, что они обладают французским складом ума, умонастроением, склонностями характера, а лишь потому, что они говорят" [41, 128].

Примат стилистики обнаруживается в каждом, даже лингвосоциологическом, суждении Фосслера: "Национальные языки в жизненном процессе человеческого языка есть специфически стилистический момент, то есть та фаза речевой деятельности, в которой дух создает себе пространство для действия или готовит ту канву, по которой будет происходить говорение" [41, 152]. В качестве базовых концептов фигурируют в рассуждениях Фосслера национальные языки, языки как стилистические моменты речевого процесса и, наконец, говорение как последняя инстанция в суждениях о сущности языкового сообщества. Совершенно логично вписывается в эту схему принижения роли языка (не говорения!) и то мнение Фосслера, что "язык действует, правда, на благо объединения людей и ради их сообществ, но он не обладает такой силой, чтобы собственными средствами основать сообщество или сохранить его... Язык - не корень и не штамм, а цвет и плод социальной жизни" [41, 208].

Универсальное качество всякого языка, по Фосслеру, -- его стремление к единообразию и предметности, индивидуальное же -- только в стремлении к многообразию и украшению, поэтому в сфере языка специфически национальное подпадает под понятие орнаментального, а немецкий или итальянский языки как особые национально-индивидуальные инструментальности языкового мышления равнозначны, по мысли Фосслера, с немецкой или итальянской языковой орнаментикой [41, 150]. Такое узкоэстетическое понимание "национального" в языке объясняет и отрицательное отношение Фосслера к восприятию языка как целиком "национального" явления: "Нет ни одного национального языка, который был бы только лишь национальным и оставался в тенетах орнаментики. Каким-то образом он должен служить и деловым и профессиональным целям" [41, 151]. Это же объясняет и понимание Фосслером "духа нации" или "гения народа" как "гениальности" нации, "силы, одаренности, темперамента", отличающих эту нацию от других, как "духовного природного инстинкта" конкретного народа [41, 152-153].

Язык обладает, тем самым, двумя противопоставленными друг другу существенными ипостасями -- индивидуальной, которая во многом определяется "ограниченной и естественной ценностью аффекции" детских впечатлений, и объективно-общечеловеческой, обладающей универсальной ценностью духовной "услуги" человеку (Leistung); национальный язык есть лишь поле конкуренции этих двух ипостасей [41, 130].

ВЫВОДЫ К III ГЛАВЕ

Любой язык в своем генезисе -1) результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир; 2) язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру; 3) неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период первичной номинации. [11,98].

Тем не менее к ней обращаются все исследователи, серьезно занимающиеся проблемой взаимоотношения языка и культуры, языка и мышления, так как именно с помощью данной гипотезы могут быть осмыслены такие факты языка, которые трудно объяснить каким-либо другим способом. Так, Б. Бернстайн, один из основателей социолингвистики, особо подчеркивает значение работ Уорфа, которые раскрыли ему "избирательное влияние культуры (осуществляющееся через общественные отношения) на образование определенных форм грамматики, а также семантическое и, соответственно, познавательное значение этих форм" [18, с. 224].

"Язык - зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира" [13,23].

Таким образом, этнолингвистика и социолингвистика - это принципиально разные науки. Следует сказать, что по этому вопросу есть и иные мнения. В.Н.Телия, например, считает, что лингвокультурология исследует только синхронные взаимодействия языка и культуры: она исследует живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа. Язык

теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык в жизни человека это очень важное и значительное явление, а также играет особую роль в становлении и развитии культуры. Вполне закономерно, что в XX веке язык стал объектом заинтересованного и пристального внимания не только лингвистов, но и философов, психологов, семиотиков и т.д. Важность языка как средства построения и выражения мысли, обыденность, привычность и вместе с тем непознанность этой роли, усмотрение языкового характера в природе самых различных явлений, сделали язык приоритетным объектом, "магическим кристаллом", сквозь который по-новому просматриваются традиционные проблемы.

С давних пор изучение языка, становление и развитие языкознания сопровождалось выяснением философских проблем. Языковые проблемы постоянно интересовали философов. Язык как средство фиксации и передачи мыслей, природа языковых знаков, значения, типология языковых форм в зависимости от способа их отношения к объектам, природа универсалий, соотношение между естественным и искусственным языком и т.д. — все это расширяющийся круг философских проблем языка.

Углубление знаний о человеке, повышение интереса к антропологической проблематике в XX веке привели к существенным трансформациям в области философии языка. Расширилась ее исследовательская область; язык стал рассматриваться не просто как активность и «материализация» мысли, но как основной посредник в коммуникативном процессе; различные формы его использования были увидены в другом ракурсе, как способы действия, отличающиеся неповторимой индивидуальностью и не сводимые к объективным значениям. Именно этот подход (не последнюю роль в формировании которого сыграл экзистенциализм) представляется наиболее перспективным в плане

понимания природы языка, приближения к его сущности. Отметим также, что преимущества указанной трактовки впоследствии стали очевидны и для ведущих представителей аналитической философии.

Основу языковой деятельности, согласно Хомскому, составляет система базовых правил, сообразно которым происходит порождение исходной структуры предложения. Эта структура, которая называется «глубинной», является, скорее, фактом сознания, нежели фактом языка. Во всяком случае, глубинные структуры практически одинаковы для всех языков и формируются на основе врожденных свойств человеческой психики. Важно при этом то, что речь идет исключительно о синтаксической форме предложения. Процесс порождения глубинных структур никак не связан с его семантическими характеристиками. Они появляются в следующей стадии, которую можно назвать трансформационной. На ней осуществляется преобразование глубинной структуры в предложение естественного языка, синтаксическая форма получает конкретное языковое содержание. Конечным результатом преобразований является так называемая «поверхностная структура», которая обладает всей совокупностью семантических и фонетических характеристик, необходимых для полноценного языкового общения. Трансформационные правила, сообразно которым осуществляются указанные преобразования, специфичны для каждого языка (в отличие от базовых правил, порождающих глубинные структуры). Владение трансформационными правилами Хомский называет «языковой компетенцией» (*language competence*), и она не тождественна использованию языка в речевой деятельности. Здесь можно увидеть явную альтернативу витгенштейновскому (равно как и бихевиористскому) подходу к языку, для которого знание языка тождественно его употреблению. По утверждению Хомского, главная задача языка состоит в передаче мыслей, так что выбор предложения, а не слова, тем более не морфемы или фонемы, в качестве базовой единицы языка является совершенно естественным. При этом синтаксическая структура предложения (т.е. глубинная структура)

рассматривается как базовая ментальная реальность, основание мыслительного процесса.

Исследования последнего времени показали, что в формировании видения мира решающая роль отводится языку. В основе этих исследований лежит гипотеза Сэпира-Уорфа о том, что язык, усваиваемый с детства, определяет особый способ видения и структурирования мира. Язык - это не просто средство выражение мыслей, а форма, от которой зависит образ мыслей человека. Образ мира, который складывается в сознании, организован и систематизирован, прежде всего, языковыми структурами и понятиями. Следует особо отметить характер взаимообуславливающей билаеральности между языком и культурой. Язык как лингвокультурологический феномен впитывает в себя все богатство культуры, в то же время как любая национальная культура в немалой степени связана с характером и спецификой конкретного языка. Язык играет важнейшую роль в плане интернационализации культур, глобализации межкультурной коммуникации, диалога культур на основе лексико-семантического взаимоперевода. Соприкосновение разных культур находит отражение в языке в виде лексических заимствований. Процессы взаимодействия и интернационализации культур получают свое выражение в формировании интернациональной лексики. Язык, по словам Д. С. Лихачева, "выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества" [8, 28].

СПИСОК ИСПЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Т.: Узбекистон, 1997. – 315 с.
2. Каримов И. А. Наследие наших великих предков – достояние всего человечества // Народное слово, 2014. - №95. - С.6
3. Каримов И. А. Узбекистан: 16 лет независимого развития //УзА. URL: <http://www.uza.uz/ru/society/623>.
4. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Искусство, 1998. - 349 с.
5. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю.В. История языкознания/Под ред. Гончаренко С. Ф. – М.: Академия, 2003. – 672
6. Апель К. О. Трансформация философии. – М.: Искусство, 2001. - 299 с.
7. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.:Наука, 1999. - 236с.
8. Арутюнов С. А., Багдасаров А. Р., Белоусов В. Н. Язык- культура- этнос. –М.:Наука,1994.-233 с.
9. Бушуй Т. А., Шодиев Р. Т. Философские проблемы языкознания.- Тексты лекций. - Самарканд: СамГИИЯ, 2006.- 75 с.
- 10.Бушуй Т. А. Краткая история развития лингвофилософии. Тексты лекций. - Самарканд: СамГИИЯ, 2008.- 88 с.
- 11.Верлинский А. Л. Античные учения о возникновении языка. Монография - СПб.:Филологический факультет СПбГУ : Изд-во СПбГУ, 2006. – 410 с.
- 12.Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. Ч. I. — М.: Гнозис, 1994. – 356 с.
- 13.Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Актуальность прекрасного. – М.: Искусство,1991. – С. 26–43.

14. Гадамер Г.-Г. *Философия и литература // Актуальность прекрасного.* – М.: Искусство, 1991. – С.126–146.
15. Грязнов А. Ф. *Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства.* — М.: Книжный Дом, 2009. — 152 с.
16. Гуссерль, Э. *Логические исследования. Т. II (1) // Собрание сочинений. Т. 3 (1).* – М.: Гнозис, ДИК, 2001. – 473 с.
17. Даниленко В. П. *Общее языкознание.* - И., 2003 с.243.
18. Демьянков В.З. *Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века.* М.: Институт языкознания РАН, 1995. С.239-320.
19. Донских О. А. *Происхождение языка как философская проблема.* Новосибирск: Наука, 1994.- 128с.
20. Зубкова Л.Г. *Общая теория языка в развитии.* М.: Книжный Дом, 2002.-с.246.
21. Инишев И. *Медиалистская трактовка языка в философской герменевтике Х. Липпса и Х.-Г. Гадамера.* Вопросы философии, 2009, №4. М. 2009. С.168-175.
22. Касавин И. Т. *Язык, знание, социум: Проблемы социальной эпистемологии.*- М.:ИФРАН, 2007.-180с.
23. Катречко С. Л. *Особенности философского дискурса.* –М.:Наука, 1998.-322с.
24. *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса.* – М.:Наука, 1999.–235с.
25. Конрашов Н. А. *История лингвистических учений.*-М.:Книжный Дом, 1999.- 289с.
26. Конт-Спонвиль А. *Философский словарь* М.: "Этерна" , 2012.-455с.
27. Куликова И.С., Салмина Д.В. *Введение в металингвистику.* СПб., 2002.
28. Куслий П. С. *Философия языка и формальная семантика.*-М.: Альфа-М, 2013.-240с.

29. Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001. — 164 с.
30. Лебедев М.В. Философия языка на фоне развития философии. - В кн.: Что значит знать? М., 1999. - с.198.
31. Лингвистика и экстралингвистика: аспекты коннотативного значения: Коллективная монография / Отв. ред. Н.М.Перельгут. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2009. — 158 с.
32. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. - 2-е изд., доп. - М. : Большая рос. энцикл., 2002. - 709 с.
33. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Мысль, 1993. - 887с.
34. Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм, М.: ГУ ВШЭ, 2011. - 311с.
35. Науменко Т. В. Социология массовой коммуникации: Учебное пособие: СПб.: Питер, 2005. – 288 с.
36. Нечаев С. Ю. Концепция абдуктивного мышления Ч.С. Пирса и философия искусственного интеллекта. Автореф. дисс... докт. филос. наук. М, 2013. – 45 с.
37. Новейший философский словарь: 3е изд.: Книжный Дом. 2003.- 1280с.
38. Рассел Б. Философия логического атомизма, Томск: Водолей, 1999. - 191с.
39. Серль Дж. Философия языка. 2-е изд. — М.: Едиториал УРСС, 2010. — 208с.
40. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. — 432с.
41. Стросон П. Ф. Грамматика и философия//Новое в зарубежной лингвистике. –М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
42. Сусов И.П. История языкознания Учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. - 367 с..

43. Томсен В. История языковедения до конца XIX в. М.: Academia, 2004.-368с.
44. Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник МГУ. Филология. № 4, 1995. -с.130–157.
45. Философия, логика, язык/ Сост. В.В.Петров.–М.: МГУ, 1997. Хайдеггер М. Язык. – СПб.: Питер,1997.-224с.
46. Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания. Едиториал УРСС, КомКнига, 2005.- 354с.
47. Юнгер Ф.Г. Язык и мышление М. - СПб: Наука, 2005. — 306 с.
48. Austin J.L. Como hacer cosas con palabra, Barcelona: Paidos, 1992.- 378p.
49. Budick, Sanford & Wolfgang Iser (Eds.), Languages of the Unsayable, Columbia University Press, Nueva York, 1999.- 255p.
50. Burke Peter, Roy Porter, The Social History of Language, Cambridge: University Press, 1997.-235p.
51. Jacobsen B. Modern transformational grammar: With particular reference to the theory of government and binding. Cambridge: University Press, 1996. – 441 p.
52. Hacker Peter, Michael Stephan Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Philosophy. Oxford: Blackwell, 1996. – 232p.
53. Lyas, Colin Philosophy and Linguistics. London: Macmillan, 1995.-345p.
54. Soames, Scott. Philosophical Analysis in the Twentieth Century, Volume 2: The Age of Reason. Princeton: Princeton University Press, 2003.-288p.
55. Strawson P.F . Grammar and philosophy.-In. "Semantics of Natural Language" (by ed. Davidson and Harman). Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1998. – 472 p.

<http://www.gramota.ru>

<http://www.fepo.ru>

<http://www.politcom.ru>

<http://www.Philology.ru>

